

**РОД
СТУДЕНЧЕСКИЙ**

смена

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1970 ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

„МНЕ СЕРДЦЕ СВОЕ, КАК ПОДАРОК, НЕСЕШЬ...“

Лорина ДЫМОВА

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Ирина ЖЕРНАК

ШОСТАКОВИЧ

Не железный,
не утес ли?
Пальцы скаты на гладь.
Это все приходит после,
Это после канонад.
И аллюзии —
градом,
Даже слезы на глазах.
А сначала с Ленинградом
Вместе голод,
вместе страх.
От терпения

до мести,
До высокой прямоты.
И победе тоже вместе,
Как листья, как цветы.

Сцена странно так подсвечена,
что расширены зрачки.
Два пылькона
недоверчиво,
Галстук сбившийся,
очки...

Ищу за тридевять земель,
Иду по замкнутому кругу.

На бездорожье стонет ель
И не находит себе подругу.

Скрипят, скриблются стволы
деревьев, собранных гурьбою,
То ростом какуты малыши,
То слишком дорожат собою.

И мне на ум приходит дура,
Что лучше быть полочкой елью.
Они стоят на первых бурь,
Как девочки над колыбелью.

Разлетелись вешние гречи,
Тучей небо все заполонило.
Ради моих песен помолчи.
Человек, которого любила.

Утром встань пораньше,
не туми.
Позабудь о том, что я забыла.
Прошлого в себе не вороши,
Человек, которого любила.

Детвора проклизит во дворе,
Детвора мячом стекло разбила.
Не ревнуй хоты бы к детворе,
Человек, которого любила.

Ночью свет в квартире притух,
Сли спокойно, улыбаясь мыло.
Что-нибудь приснится для души,
Человек, которого любила.

О своей печали не трубы.
Боль пройдет, как счастье
проходило.
Никого так больше не губи,
Человек, которого любила.

Я старше тебя
на тысячу лет.
Я старше тебя
на тысячу бед,
на тысячу
тонких морщинок у глаз...
Поэтому все так нескладно
у нас.

Поэтому наша любовь
ноготка.

Считаю ты дни —
и считаю века.
Мне сердце свое,
как подарок, несешь.

А я тебе — мир,
его правду и ложь,
и солнце надежды,
и беззрия тымы...
...Но дар мой великий
тебя не внемлет.
И в сердце твоем
не найдет он нопы.
Тебе нужно меньше —
улыбка моя.

Задумчивым людям,
нахмуренным людям,
рассеянным людям
мне хочется принуть:
— Поглушайтесь!
Больше не будет
такого же солнца,
такого же льда на колодце.
Мгновение людям
единожды в мире дается!

Поглушайте,
вы никогда не увидите неба
такого же точно,
такого же синего снега!
Я знаю,
все будет.
Но будет совсем по-другому.

Поглушайте, люди,
идите, идите из дома.
Живите, дышите, смотрите,
не будьте прохожими!

Не верьте, что жизни
наполняют днями похожими.
Так просто и горько
себя незаметно обрывадывать.
Живите сегодня!
Но надо
на завтра откладывать!

В квартире умной и черной
я ющи свою собору.
На белой пустынной платформе
я встреча тебя поутру.

Ослепнув от сна и тумана,
ты из узкого опять.
Мне рано, мне рано, мне рано
еще о тебе горевать.

И ветхие скрипнут ступени,
и занятий беспомощно лед,
и памяти милю снова изменят —
тебя под защиту взметут.

Но знаю, гудок паровозный
ты по утрам будет звать.
Мне поздно, мне поздно,
мне поздно,
уже о тебе горевать.

И будет мне синиться ночами,
как отзвук прошедшего дня,
как будто тебя я встречала,
как будто ты любишь меня.

ПИСЬМА

Женин Марик давно не видит сны.
Женин Марик не чувствует весны.
Женин Марик — спасительницей
из женщин

За глаза довольно тишины.
Письма, что она одна читала,
Много поклонений перечтут.
Есть у мысли тайное начало,
Познают по-разному мечту.

Путь жизни отнюдь не трумфalen,—
Детский плач, следы чернильных
блаков...

Что сказать удела фон Вестфален!
Что умела сделать Женин Марик!

Истинные гении, как звезды,—
Их тепло и чистота — векам.
На землю провозглашали тосты,
И сбегают слезы по щекам.

Письма первочитавала Женин,
Улыбаясь, прятала листки,—
В тантике взаимных притяжений
Новые рождаются ростики.

Женин Марик давно не видит сны.
Женин Марик не чувствует весны.
Женин Марик — спасительницей
из женщин

Годы и столетия не страшны.

Геннадий ГЕОРГИЕВ

БУГ

Как в волнах живут сказанья
о любви и страсти?
В волнах живут воспоминания
под корягами на дне.
Он их прочтет, как монеты
прятят в сундуке сунец
и бережут себе по свету
тикий из конца в конец.
Зима爰тает от скуки,
но едва сойдет снега, —
вдруг разводят, словно
руки,

голубые берега.

А когда, утомленный сном,
отступает он назад,
оставляет груз своей
лишней —
саблю, штык или снаряд,
и не стопой взволната,
насну, полную земли.
И становится понятно,
что его омолаживает,
этого воспоминания
он хранит на самом дне,—
чтобы дети не узнали,
как воюют на войне.
Чтоб не шла печаль людская
лишний раз издалека...
Как тебе я понимаю,
Буг, славянская река!

С крутым волжского откоса
над волнистой водой и травой,
сажко, куда летицы, березы,
по ветру, куды рябчики?
Был момент, хотели ты послушать,
как Каспий плещется вдари!
Как, выворачивающая душу,
кричат из Болгой глухари!
Тебе не боязно, не страшно!
Но, видно, риск — твоя судьба.
Закинув головы, ромашки
глядят с восторгом на тебя,
туда, где волны всплывают,
члено блестящими гордяся...
Я поменялся бы охотно
с тобой местами
хоть на час,
чтоб стать сегодня небом сним
и ветром поплыли по краев,
чтоб сразу видеть пол-России,
держась корнями за нее.

Игорь ПАНТОХОВ

Сейчас, когда стучат в виски Европы
дружья живого
и его враги —
разбросанные к жизни изтопоты,
шагающие к смерти сапоги,
которые в отсеках,
до поры закрытых,
врач и солдат
с вздохами сидят,
один — за жизнь на метеорите,
другой — за смертью на Земле
следят,
когда, прикованною послушные,
стали на стартах
Солнце
и Гроза,—
так страшно вдруг увидеть
равнодушные,
не видящие этого глаза!..

ЗЕРНО

Картинки детства памятью травожа,
в исполном баб, понищиков на возу,
и было в их руках зерно похоже
на вдовью, неостывшую слезу.
Пустели печи русские киюю,
и кладбища густели заодно,
и че-то другое напоминало плюш
в ряде мешков застывшее зерно.
Не нужно городить насыпи формулям,
чтоб доказать, коли истинна вазна,
Что и Земля.

Земля имеет форму
созревшего пшеничного зерна.
Я все законы физики приемлю,
но есть поправка у меня одна:
нет, не колосья держатся к Землю,
на колосьях дернтятся она!

НЕ ЛЕГЕНДЫ ЭТО,
А СКАЗАНИЯ

Не легенды это, а сказания,
и волны не вольет их тиши:
коммунисты только без сознания,
и полусмерти падали в плен.
Головы, разуты и раздреты,
досчитывали последние шаги,
в Землю зарывали партбилеты.
«Сохрани», — просили,—
сбереги!..»
Много раз весну сменило лето,
но Земля — надежный, верный
страж! —
Берегут с сердцем партбилеты,
и растет ее партмийский стан.

А я учусь развязывать узлы,—
тугие, как дубовые стволы,
и нежные, как речи поэзии,
и скользкие из сплетен и хулы.
Да, я учусь развязывать узлы,
А раньше не развязывала — рубли,
в ранние сажи зазывала любил.
Не зло в просто избытка скли,
не знал,
а людия, боль я приносил...
И вот теперь,
теперь в разгон дне,
развязывать узлы мне все трудней,
и засады, и склады, и сложней,
а мне необходимо ладить с ней.
Мне часто шепчут:
дескать, люди злы,
и зря ты, парень, напрягаясь плечи,
что развязываешь,
распутать все узлы
идей,
страстей,

судеб,
противоречий.

Что ж,
как раньше, я не разрублю,
но в жизни — по прямой, не за
углами,—
свой ход теперь,
подобно кораблю,
развязанными морю узлами.

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

№ 17 (1039)

СЕНТЯБРЬ
1970

Наша обложка: студенческая лаборатория.

Фото Мирослава МУРАЗОВА

Фоторепортаж «Род студенческий» — на страницах 16—21.

2

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ» — НЕФТЬЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ. Беседа с первым секретарем Тюменского обкома КПСС Б. Е. ЩЕРБИНОЙ.

5

Кругозор современника. СОЛНЦЕ САРЬЯНА.

7

КРАСНЫЕ КОСЫНКИ. Репортаж о бригаде молодых текстильщиц из Чернигова.

26

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЬЕТНАМ — ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ЖИЗНЬ И РАБОТА ИВАНА ХОХЛОВА.
ОЧЕРК О КОММУНИСТЕ-ВЕРТОЛЕТЧИКЕ

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
НА БЕРЕГАХ НЕВЫ ХОЛОДНОЙ...

ОЧЕРК О ЛАУРЕАТЕ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА БАЛЕРИНЕ МАЛИКЕ САБИРОВОЙ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий, ответственный за главного редактора], Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

В дни, когда вся страна готовится к XXIV съезду партии, «Смена» начинает экспедицию «Нефтяные реки Сибири».

Экспедиция «Смены» предполагает широкую пропаганду ударных комсомольских строек Западной Сибири; журнал расскажет о молодых героях, осваивающих нефтяные и газовые богатства обского севера, Тюмень, Томской, Новосибирской областей, о молодых первопроходцах, прокладывающих нефтяные и железнодорожные магистрали в трудных условиях.

Экспедиция «Смены» — это выступления на журнальных страницах и самих грузенках Западной Сибири: геологов, изыскателей, строителей, нефтяников, тех, кто перерабатывает

сибирскую «нефть в нужные промышленности продукты. Экспедиция «Смены» — это и непосредственное шефство журнала, когда творческие бригады писателей, художников, артистов, ученых, лекторов приедут в далекие гаражные поселки не только для того, чтобы выступить перед строителями и нефтяниками, но и рассказать об их жизни на страницах журнала.

На своем XVI съезде Ленинский комсомол вновь вводил подтверждил, что всегда будет верным помощником партии в всех самых важных делах. И это не просто слова. В актиде комсомола Братская и Красноярская ГЭС, прославленная гуашью песни ЛЭП-500, сложнейшая в мире трасса железной дороги Абакан — Тайшет и десятки других сибирских строек.

С первым секретарем
Тюменского обкома КПСС
Борисом Евдокимовичем ЩЕРБИНОЙ
беседует
специальный корреспондент «Смены»
Леонид Плешаков

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ»

НЕФТЬЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ

Интервью началось несколько неожиданно для меня: вместо разговора о нефти и газе мы вдруг повели его о сельском хозяйстве Тюменской области. И поводом послужил вроде бы незначительный факт, явно не имеющий никакого отношения к открытиям веков, как нарекла мировая печать открытие колоссальных запасов нефти и газа в бескрайних просторах Западно-Сибирской низменности.

Дело в том, что недавно в тюменский колхоз «большевики» привезли Терентий Семенович Мальцев. А если 74-летний патриарх курганских землевладельцев решил побывать у своих северных соседей, никогда не славившихся высокими урожаями, то для этого должны были быть веские причины.

2 СМЕНЫ

Вот о них-то я и спросил.

— С колхозом «большевик» вышла интересная история, — сказал Борис Евдокимович. — На примере отдельных совхозов в колхозах мы решили отработать оптимальные варианты ведения хозяйства в различных климатических зонах. Для этого есть 32 хозяйства, которые являются как бы национальными испытательными полигонами. Там создается такой набор машин, как не требуется, сельскохозяйственных культур, который дает наибольшую отдачу на затраченные средства. Конечно, нам пришлось для этих 32 хозяйств создать несколько привилегированные условия по сравнению с остальными. Они года на три опережают других по обеспеченности машинами и химическими удобрениями. Но мы пошли на это и отказались от управляемости в распределении.

Теперь передовой комсомола становится западносибирская нефть. На строительство дюйма Тюмень — Сургут приехало с Абакан — Тайшета целое строительство, и не удивительно, что новых стройки объявлены Всесоюзной ударной. Ударными стройками стали Самотлорское нефтяное месторождение, газовые месторождения севера Тюменской области, газопровод Надым — Пугачев, Александровское нефтяное месторождение, нефтепровод Александровский — Томск — Анжеро-Судженск. А буровики, геологи, изыскатели вновь и вновь вытаскивают в карту Западной Сибири красные флаги, означающие открытие новых месторождений. И вот еще одна сенсация: нефть открыта совсем рядом с Новосибирском!..

средств, потому что поиск этих привилегированных, отработанных ими приемов завтра станут достоянием всех. К тому же сегодня здесь создаются кадры, которые в будущем смогут внедрить передовые методы в отечественное строительство. Поговорим о том, как можно было бы «бонусом»? Лет пять назад тут образовалась группа выпускников томского сельскохозяйственного института. Их привлекли председатель колхоза Поликарп Прокопьев, который сам учился в зоологии, и присмотрел наиболее инициативных, грамотных ребят.

Когда они пришли в колхоз, урожай зерновых составлял там восемь центнеров с гектара. В прошлом году при неблагоприятной погоде они получили на купе по 26 центнеров. А пищевики «Нева», отыскивая в земле удобрения и устойчивую от полегания, дала по 48 центнеров. Они размножили ее и теперь смогут помогать семенами другим.

— И Мальцев приезжал позавидовать их опыту? — спрашивал.

— Как сказать? Он уже на некоторые сорта семян, Помониковым с интересом смотрел. Но не знал, какими методами. Мальцев хотел сказать, что если чому-то у нас учился. Это человек с таким опытом, что даже увидев новое, он его так осмысливает и найдет в нем такое, чего и сам автор новшества может не заметить. Во всяком случае, от его приезда результат будет.

Когда мы прощались с Терентием Семеновичем перед его возвращением домой, он признался:

— Я душой отдохнул, увидал, как молодые хлеборобы хозяйствуют на земле. Это дело в национальных руках.

Большой похвалы и нам привезли: «сам, Мальцев сознался, что передает трудовую практику».

А знаете, — задумчиво спросил Шербина, — что главное в Мальцеве? Говорят: талант, венчаний поиск, трудолюбие. Нет. Главное в этом человеке — искренняя любовь к земле. В этой любви он весь, и все, что им сделано, выросло из нее. Без нее ничего не создал бы самый высокий талант.

Мы рады, что Терентий Семенович так высоко оценил труд своих помощников и последователей.

Но это только частный факт из огромной проблемы интенсификации сельского хозяйства в нашей области, которая приобретает год от года все большее значение. Не случайно об этом говорилось в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на ильинском Тюменском ЦК, обсуждавшем тему «Внедрение передовых методов в сельском хозяйстве».

Тюменская область, имея говорят Леонид Ильин Брилевич, становится крупным центром добчины нефти и газа и в своем времени предстоит выйти на первенство на продукты животноводства. Область располагает обширными угольными лугами и пастбищами, которых, правда, нуждаются в мелиорации. В докладе прямо предлагалось дать Тюменской области необходимые средства на мелиоративные работы, на строительство мясных и молочных скотоводческих комплексов, чтобы в короткие сроки за счет местного производства наимного увеличить поставки мяса, молока, яиц, а также решить проблему снабжения населения овощами.

Высокие оценки значения тюменских нефти и газа и внимание, оказанное нашим нуждам, воодушевили коммунистов, всех тружеников области работать с еще большей энергией. Мы спрашиваем с поставленными задачами, хотя знаем, что это будет нелегким делом.

О чём бы в дальнейшем мы ни говорили с Борисом Ефимовичем, все было бы здорово. Но вернемся к Мальцеву и его молодым премиумам: о любви человека к своему делу, о жажде поиска и творчества и многое другое, что рождается этой любовью.

Когда мы «вернулись» к нефти, в спросили:

— Прошло десять лет с того времени, когда бригада Семена Никитовича Урусова получила из скважины № 6 в Шамею первую тюменскую нефть. До этого о ней говорили учёные. Нахodka Урусова подтвердила их предсказания. Прошедшие десять лет не только разбили неверие скептиков, но показали, что Западная Сибирь — главная кладовая страны нефти и газа. Прошедшее десять лет было периодом перехода от поисков к практическому использованию этих богатств.

Каждый период в истории тюменской нефти был характерен своей особенностью. Какая главная черта нынешнего?

— Энтузиазм был и остается главной особенностью освоения тюменской нефти. Сначала энтузиасты-ученые обосновали и доказали свои предложения о богатстве недр Западно-Сибирской низменности. Потом энтузиасты-изыскатели подтвердили своими открытиями выводы учёных и продолжают каждый год добавлять в колпаку страны новые месторождения. Сейчас энтузиасты-испытатели видят впереди.

Никто в стране не бурит скважин быстрее, чем сибирские нефтяники. Казалось бы, пародакс: такие трудные условия, а вышки стоят в короткие сроки. Раньше на это уходило 20—22 дня. Теперь у нас ставят вышки за 6—8 дней.

Сейчас на средней Оби мы заманулись на 40 тысяч метров проходки скважин в год одной бригадой. При глубинах 2300—2400 метров. Это очевидно, но все-таки такая цифра не изобретена, а выдумана. Сперва, конечно, бригады Ленина прошли на Самотлоре 25 тысяч метров. К концу года, видимо, будет 50 тысяч. Бригады Ягдарова, Петрова, Шакшина планируют в этом году пройти по 60 тысяч, правда, на меньших глубинах, так что самые зарезине наши наметки вполне реальны.

— Но ведь это не так просто увеличить проходку в два-три раза. Когда

Западносибирские нефть и газ становятся одним из функциональных, краеугольных камней экономики ССР. Открыта экспедиция «Нефтяные реки Сибири», «Смена» расскажет молодому читателю о том, как героическим трудом его сверстников-сибиряков приумножается сила и мощь нашей Родины. Мы приглашаем к участию в экспедиции и наших читателей — тех, кто трудится в Сибири, тех, кто собирается поехать туда. Ждем ваших писем, предложений, откликов, пожеланий. Нашите молодые строители, чей труд и чья жизнь заслуживают того, чтобы о них узнали другие. Пишите о волнующих вас проблемах. Сигнализируйте о недостатках.

Итак, экспедиция «Смены» — «Нефтяные реки Сибири».

начиналась тюменская нефть, на всю страну проремя рекорд Семена Урусова — 25 тысяч метров. Теперь мы считаем и на 40 тысяч проходимым этапом. А ведь это значит, что мы добываем сравнительно мягких томских грунтов. Почему стала возможной такая скорость?

Секрет прост: люди искали. Каждое новшество давало свой эффект, а взятые все вместе привели к блестящим достижениям.

Наши буровики применяли два насыса при подаче раствора в забой. Буровые головки стали работать в более благоприятных условиях. Использовали гидромониторный эффект. Оказалось, что если изменить геометрию самого сопла насадки и струю раствора направить под набегающую шарошку, то скорость бурения возрастает в 7—8 раз. Раньше приходилось менять 12—15 долот, прежде чем достигалась глубина 2 400 метров. Теперь достаточно четырех-пяти. А спечь методом в душе обойтись всего троих.

Вместо стальных труб при бурении стали использовать диоралевые. Это облегчает установку подъемных колонн при смене инструмента, но и транспортировку труб и буровым, что в условиях тюменского бордюроя имеет огромное значение.

Научились мы использовать для добычи и подземные термальные воды. Освоили так называемое кустовое бурение, что позволило с одной вышки проходить четыре-пять скважин.

И вот результат: если бы мы работали по старинке, государство пришлось бы израсходовать дополнительно более миллиарда рублей, чтобы достичь нынешних рубежей на тюменских нефтегазовых промыслах.

— Но ведь у нас зависел успех только от одних буровиков...

— Конечно, но только от них. Но бурение — главный цех нефтяной промышленности. Они определяют все остальное. Получается нечто скользкое с цепной реакцией. Установка буровых, их добыча, транспортировка, переработка, транспортировка, транспортировка... Догоняя вперед, вперед, вперед. Творчество, поиск нового — это обязательный фактор в работе любой отрасли производства, которая так или иначе связана с тюменской нефтью.

Взять хотя бы обустройство промыслов. Район нас очень сложный: расположены огромны, дюрок нет, проложить их быстро среди непрощаемых болот невозможно. А строить нужно быстро, надежно, дешево. Три взяточниками лежащими друг другу условия. Тем не менее удалось найти решение, которое отвечало всем. Группа инженеров «Главтюменнефтегазстрой» с Юрием Петровичем Батылевым (он уже заместитель министра газовых промышленности СССР) выступила инициатором комплексно-блочного обустройства промыслов. Но заслуга группы Батылкина в том, что они с энтузиазмом взялись за ее осуществление у нас в Тюмени. Они предложили строить перевозимо-насосные станции на заводе в блоках, а на месте только монтировать из этих блоков станцию. Не нужно было везти на огромное расстояние строительный материал, рабочую силу, терять драгоценное время. Куминская насосную станцию они смонтировали в семь раз быстрее, чем того требовал обычный способ строительства. Получение огромной экономии денег.

Помолчав, Борис Ефимович продолжил:

— Если вам придется лететь на вертолете из Нижневартовска на Самотлор, обязательно обратите внимание на орнитологическое сооружение — стоящий на поплавках коллектор трубопровода, идущий от промысла до головных скважин. В отечественной практике подобного не было. Но в Тюменской гравийной транспортной системе плавучие трубопроводы используют только при загрузке морских танкеров, когда прибрежные мелководья заставляют выводить нефтепроводы на редкость.

— А нельзя было у вас придумать что-нибудь более прочное и постоянно живое?

— Нет. В том районе такие топкие болота, что до твердого грунта добраться не легко. Нужно было вложить большие средства, потерять много времени, чтобы соорудить обычный нефтепровод. Конечно, ставя трубу на поплавки, наши инженеры рисковали. Но риск оправдывал себя. Поптога года коллектор работает бесперебойно.

Вы, конечно, слышали о поселке Светлы, который построен комсомолом сибиряков. Сибиряки — это сибиряки. Сибиряки скажут, что это экспериментальная база. Но ведь сколько было вокруг него дискусий! Тогда стала вопрос: наши долины должны быть поселки на Свердлов? Мы анализировали и свой опыт и зарубежный. Отбирали самое рациональное. Тогда-то и появился знаменитый «Комарник», кафе, где проходили все эти споры.

В здании сложилось всякое разумное предложение. Прямо горячее, только-только со сковородки, оно получало «добро» и пускалось в работу.

— Тогда и проявился себя студенты из строительного отряда Анатолия Мандриченко!

— В то время студенты тоже принимали участие в спорах, хотя решаютнее слово принадлежало не им. Но мы увидели в этих ребятах будущих хозяев, которым хотелось в этом городе воплотить свою светлую мечту. Мы дали им строительство им и, думаю, не ошиблись. Первая очередь Светлового завода.

И во многих других важных делах мы опирались на молодежь. Иначе, собственно, и нельзя: «Тюменская нефть» — молодежная стройка. Средний возраст жителей Нефтеюрганска — 24 года. В древнем Сургуте за счет коренного населения чуть выше — 26 лет. Средний возраст кандидата наук — 28 лет. Представляет? Молодой рабочий, молодой руководитель, молодой ученик. Если можно так выразиться, буйство молодости породило буйство нефтяной промышленности нашей области. Мы постарались создать микроклимат, где-как

дый мог искать, дезрать. Теперь главное — научить молодежь еще и анализировать и обобщать лучшее.

— Борис Ефимович, в 1965 году вы написали книгу «Тюменский меридиан» и там назвали certainий ряд людей, кому мы обязаны открытием нефти и газа. А вот сейчас вы все время говорите: «молодежь», «молодые», «комсомольцы». А как же «старички»? Они, что же, ушли на покой?

— Ну нет! «Старички» — золото, фонд Тюмень, Ровинь, Эрвье, Ростовцев, Салманов, Уровов — они не только прокладывали первую тропу к тюменским нефти и газу и не только теперь передают свой опыт новичкам, они учат молодых патриотизму. Такими работниками нашлось бы место в любом крае страны. И знаете, их постоянно сминаят, забивают, зовутого кого на Украину, кого в Азербайджан, Татарстан, кто откладывается.

— Погодите! Ведь все охотнее пойдут в Тюмень из Молдавии, с Украины, Волгограда, из Баку, и вряд ли им упрекнут, если теперь вернутся домой; свои долги они выплатили с честью.

— Нет-нет, вы не представляете, что такое наша нефть. Можно несколько цифр?

В предстоящем десятилетии в хозяйственном облике будет вложено средств в пять с половиной раз больше, чем за все годы Советской власти.

Одна газовая скважина в районе Уренгоя дает в год столько же углеводородов, сколько угольная шахта с добывкой в два миллиона тонн. Когда об этом было сообщено в печати, западные газеты опубликовали карту будущего транс континентального газопровода Надым — Рим. Сразу сориентировались, поняли, междуродную опасность нашего дальнего Заполярья.

В 1968 году новый научно-исследовательский институт по нефти и газу решил на электронно-вычислительной машине рассчитать оптимальный режим эксплуатации поисковых недр. ЭВМ «котятывала» в 1970 году здесь можно добывать 30 миллионов тонн нефти.

— А вы на плане дадите 27 миллионов...

— По секрету скажу: дадим больше. Цифру уточним в конце года. На нефть машину не подведем. Но в этом дело... Главное, что действительно опережают самые смелые прогнозы ученых.

Вот и скажите: кто уедет с такого «горячегорячего» дела? Вы думаете романтика — только для молодых?

Каждый человек должен испытать себя на чем-то большом. На легком деле не прошибет. Необходимо стремиться к неспособностям, ни таланту. Поэтому краине, есть возможность проверить себя по самому большому счету, притягивает к себе молодежь. Есть тут и элемент романтизма первооткрывателей. Места у нас дикие, земли нехоженные, и проложить на них свою собственную дорожку, согласитесь, интересно. Ведь юношеское чувство первооткрывателя заложено в самой природе человеческой.

Но я был склонен и о другом.

Мы говорили о моральных стимулах и иной раз все сводим только к грамотам, почету, определенным поощрениям, забывая, что все-таки самым главным моральным стимулом является сам труд, значимость и общественность личности.

— Но согласитесь, что некоторые едут еще и просто заработать.

— Есть и такие. Мы недавно видели небольшое социологическое исследование, где было вопрос: «Почему вы приехали работать на Север?» И некоторым было отвечено: хочу заработать денег на машину, мотоцикл или квартиру... Плохо, что у такого человека «своя» цель заслоняет все остальное. И Тюмень с ее проблемами для него — временное дело. И работа временная. И машина, на которой работает, тоже. Он будет, как говорят, выжимать рубли из-под каждого колеса. Он не станет о машине забояться, чтобы она подольше послужила людям и после него. Так что для нас проблема стабилизации рабочей силы имеет еще свой специфический оттенок.

И мне кажется, ее можно решить.

Вот ведь среди буровых бригад практически нет текучки. В течение долгих лет выбытые из своеобразной школы, своеобразный, что ли, характер профессии, перешли в другие. Люди сработались, хорошо знают и дело, и друг друга, и условия «края». Случится переезд в новый район — едут всей бригадой. Ни кто не увольняется.

Прошлой осенью на реку Вах из района Иргима — Пунгы перебрались целая контора бурения. Погоры тысячи километров вверх по Оби. Вереница пароходов и барж. Бурильные станки, машины, строительный. Домашний скрап. Рабочие со своими семьями. И стар и мал — тысячи человек. Я увидел — сразу вспомнил «Челезный поток». Двигалась неукротимая лавина людей, объединенных общей целью. Так жалко, что наши кинокиношки прозевали это событие. Могли бы получиться замечательная документальная лента о трудовом героизме.

— Привезли они на Вах, поставили сборные домики — и сразу зима. Я как-то был у них. Виду: трудно. Справшивало:

— Как живете?

— Хорошо, — говорят, — живем. Работы много, а это — главное.

Могли бы пожаловаться на всякие неурядицы. Справедливо чего-то потребовать. А они: хорошо...

Шербина помочился, как бы еще раз вспомнил все виденное. А я спросил:

— Борис Ефимович, если исходить из перспективы тюменской нефти, какие профессии со временем станут здесь главными?

— Нефть и газ вдвоем вторую жизнь в этот край, они и в будущем останутся основой его экономики. Поэтому главная тюменская профессия — буровики.

Но чтобы добывать нефть и газ, а потом вывозить их к местам потребления и переработки, нужно построить буровые вышки, насосные станции, трубопроводы, шоссейные и железные дороги, рабочие поселки и нефтехимические предприятия. Все это делают строители.

Когда область покроется сетью дорог, можно будет взяться и за другое наше богатство — лес. А это потребует специалистов лесодобычи и деревообработки.

Не забывайте, что у нас треть часть Восточного Урала. А там — руды. Знают, найдется дело и горнякам.

На юге области есть условия для развития интенсивного сельского хозяйства. Да и на севере тоже. Ведь только на поверхности нашей природы так называемые непроходимые болота, комары, гуси, а зимой — морозы. Внизу, в недрах, она спланирована все разумно и щедро. Нефтегазонесущие пласты, как слоеный пирог, а рядом — горизонты с термальными водами. Хочешь — закачай в скважину, чтобы увеличить дебит горючего. Хочешь — строй дешевую теплицу с даровыми обогревом. Так что, если кто-то решит попробовать силы, как ребята из колхоза «Большевики», тут будет где разгуляться.

А вообще, перечислять все будущие профессии Тюмень — дело рискован-

ное. Скажи кому-нибудь пять — десять лет назад о «тиюменской науке», на которую бы подняли. А сейчас у нас около двадцати научно-исследовательских и проектных институтов и их филиалов. В 1966 году на первую областную научную конференцию собралось 53 человека, которые прочли 20 докладов. А на четвертую было представлено 350 докладов. Пришло конференция проводить по секциям.

Лучшие ученые Сибирского отделения Академии наук СССР для наших студентов читают лекции, которые транслируются по телевидению из Новосибирска.

— Другими словами: Тюмень — край великих возможностей для всякого, кто хочет искать, учиться, учиться или учить других.

— Бессмысленно. Вот ульябьтесь. Наверное, думаете, что раскачиванье свою область из чисто местнических обстоятельств.

— Честно говоря, да. Но я не считаю местный патриотизм большим грехом.

— Могу доказать примерами, что абсолютно объективно.

Анатолий Мандриенко когда-то приехал со студенческим отрядом строить Светильник. Сейчас он управляющий строительным трестом. Олег Москсовец начал в нас сразу после института. Сейчас — главный геолог в Усть-Балыкском нефтепромысловом управлении, лауреат Ленинской премии. А команда этого управлением с 1965 года Лев Чурилов. Михаил Чижевский приехал к нам с дипломом вуза, через пять лет стал главным инженером гавка, который в год выполнял одних монтажных работ на десети миллионах рублей.

— Трижды с небом! — Трижды с небом! — Трижды с небом!..

— Какие характеристики воспиняются здесь? Я хочу рассказать две истории. Я просто не могу не рассказать о них.

Зима 1969 года стояла злotaя. Минус пятьдесят, а то и еще пятьдесят с хвостиком. В таком морозе обычно не работают, а вынужденный простор работы оплачивается. Однажды в таком дне Лев Чурилов, Михаил Чижевский приехал к нам с дипломом вуза, через пять лет стал главным инженером гавка, который в год выполнял одних монтажных работ на десети миллионах рублей.

— Трижды с небом! — Трижды с небом! — Трижды с небом!..

— Чем же ты нарушавши инструкцию горного округа? При морозах ниже 35 градусов бурить нельзя.

— А он сам с таким украинским акцентом:

— Тя по татору-поттору...

Справшися его:

— А чего рискуешь?

— Так она первая эксплуатационная на Самотлоре...

А месяца через три, одиннадцатого апреля, как раз в день Всесоюзного ленинского субботника, я вместе с начальником гавка Мурзаковым Виктором Ивановичем снова пришел на Самотлор. Там к этому дню были закончены все подготовительные работы, и решено было в торжественной обстановке пустить первую самотлорскую нефть в трубопровод. Поручили это сделать Степана Попова и Юрию Ренковому, начальнику промысла. Они на склоне дневнико вновь и новачки, они ее буряли, им, естественно, и пускать ее в стражу. Я предупредил:

— Разрешите ленточку, обязательно речь скажите.

Надо было видеть, с какими волнением они пустили нефть. Степан даже о речи забыл. Но Ренков напомнил, и Попов сказал:

— Поздравляем! Самотлор заработал!

Все речь — три слова, а сколько смысл! Для него самое главное в жизни — работа. И все события он оценивает с этой точки зрения.

А вот это еще случай. Произошел он той же зимой. Поехали мы на строящуюся магистраль. Мороз. Варить трубы нельзя. Но народ не расходится. Сидят у костра, греются. Я подошел, в шутку спрашивал:

— Что же вы работаете?

— Да как тут работать! — И в сердцах молотом по трубе стукнул. А она как будто выстриглась — звук такой, — и кусок трубы отлетел, вдребезги.

Сидевший рядом чихнулся:

— Ну что же ты так неаккуратно! Ведь знаешь, труба не хватает!

Никто из них даже не подумал, что вот качественная сталь не выдерживает мороза, ссыплется, а люди — ничего, только злится от вынужденного безделья. Они считали, что так и должны быть...

— Борис Ефимович, если (и это фамилии, не спроси тогда) говорит: «Да как тут работать! — И в сердцах молотом по трубе стукнул. А она как будто выстриглась — звук такой, — и кусок трубы отлетел, вдребезги.

— «Сибирский чай» — совершенно новый вид комсомольской ударной стройки. Главная ее отличительная черта заключается в том значении, которое она имеет для народного хозяйства страны.

Многие особенности этой стройки обусловлены суровым климатом района. Обустройство одного жителя Сибири обходится государству в 20 тысяч рублей. Поэтому тюменские нефти и газы можно освоить не числом рабочих рук, а только умом и опытом. Эта стройка будет поиском наиболее грамотных экономических, технических, инженерных решений.

К этому обязывают не только суровые условия наших мест, но и тот социальный процесс, который постоянно идет в народе общества. Средний общеобразованный рабочий знает, что такое трубы, газ, нефть, газификация, газ, 9-10 классов. Такой грамотный рабочий не может и не должен тружаться по старинке.

Унику можешь многое доверить, с него можно многое требовать. Наша молодежь — от рабочего до ученого и проектировщика — должна сосредоточить внимание на решении проблем технического прогресса. Только тогда Тюмень сможет стать современной ударной.

«Нефтяная река Тюмень». Многие понимают это выражение буквально: от скважин нефти по трубам течет к магистрали, образуя из ручьев мощную реку, которая мчится к перегонным заводам и химическим комбинатам. Это верно, но только наполовину.

«Нефтяная река Тюмень» — это еще и сливающиеся воедино ручеек опыта передовиков, их поисков и находок, их маленькие и большие открытия. Это труд рабочих и ученых, инженеров и экономистов. Это и платформа на воздушной подушке, которая постепенно сдвигается с места, чтобы смоинтированной буровую. Это и кинодокументы и полавказы. И помидор, выращенный в Заполярье на тепле термальных вод.

Это огромный человеческий труд, собранный воедино и коротко названный: «Тюменская нефть».

как при 90-летии Сарьяна я приехал к художнику, чтобы закончить нашу давнюю беседу.

— «Смена» — добро пожаловать, — встретил меня на пороге дома старый варпет.

...Мы говорили уже долго, когда кто-то из родственников тихо вошел в комнату. Наклонился к Сарьяну и быстро заговорил по-армянски. Художник, как-то сразу покривел. Потом, глядя в пол, сказал:

— Как жаль, когда из жизни уходят люди, которым еще столько могли сказать миру...

Лицо его осунулось, покерепело. Я невольно подумал: сколько личных трагедий перенес он за свою долгую жизнь, сколько друзей и близ-

Кругозор современника

Солнце Сарьяна

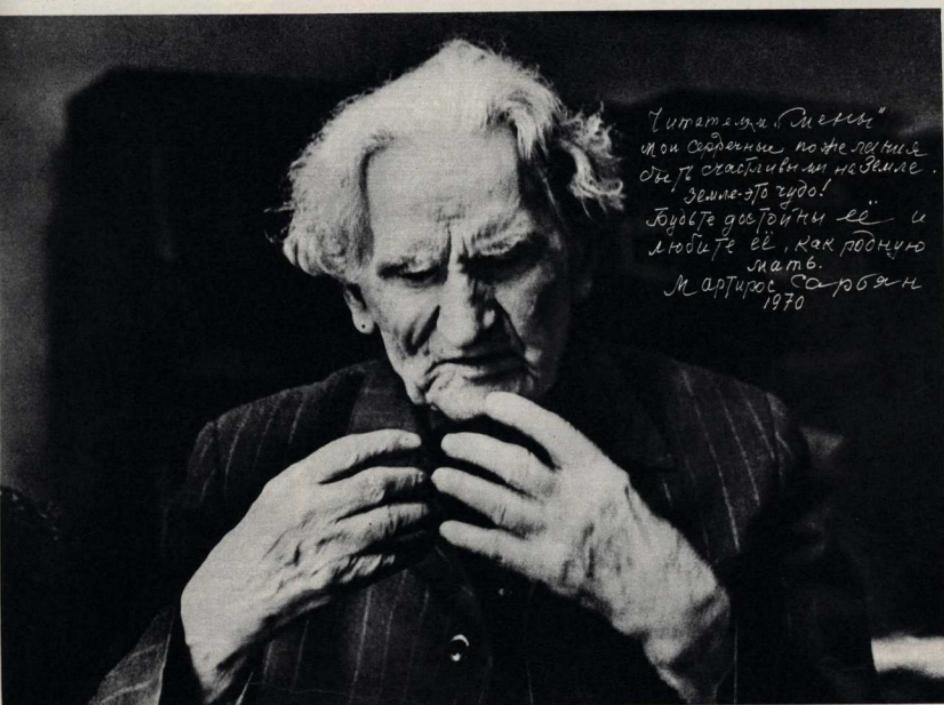
немогим, — человек не застрахован от бед. Зато в любую минуту готов к ним. Это — главное. И силы он получит отсюда, — Сарьян прикоснулся к виску, — как дерево получает сок жизни из самой глубины земли.

Только человек, выработавший в себе волю, способен преодолеть все препятствия, которыми проверяет его жизнь. На Востоке говорят: но-нашествию несчастен лишь тот, кто за целую жизнь не научился бороться с несчастьем.

— А ЕСЛИ ИСПЫТАНИЯ СВАЛЯЮТСЯ НА МОЛОДОГО, НЕ ИМЕЮЩЕГО ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА?

— В этом случае важно, чтобы рядом ковремя оказался старший — умный, терпеливый, отычничий. Это может быть отец, брат, учитель,

Читатель! Рассказ
мои сородичи поэтам
жизни — это чудо!
Будьте добры к ее и
любите ее, как родную
матерь.
Мартирос Сарьян
1970

ких по духу людей потерял, — а он не переставал повторять:

«Больше всего на свете я люблю жизнь. Пока есть жизнь — есть счастье. И такое будет вечно».

Однажды во время прогулки в парке катастрофы трагически погиб его старший сын, Сарьян. Всегда пытаясь безутешностью старого отца. В другой раз, с триумфом возвращаясь из Парижа после первой персональной выставки, он узнал страшную весть: более тридцати его картин, плох полуторалетней работы на берегах Сены, сгорели в троекратном судне... А еще как-то...

— МАРТИРОС СЕРГЕЕВИЧ, ГДЕ ДОЛЖЕН ЧЕРПАТЬ СИЛЫ ЧЕЛОВЕК, ЧТОБЫ ВЫСТОЙТИ И ПОБЕДИТЬ ТРУДНОСТИ?

— Трудности... — Ворочил бормоча себе под нос, Сарьян опускается на стул. — Свободным от страданий еще никто не рождался.

Взявшись голову в руки и всхлипнувшись, он, застывший в старческом, как при письме, рассеянной позе, пропищал:

Каждый прожитый человеком день должен углублять его мирономование, приближать к вершине постижения самого себя. Но и тогда, когда эта вершина «взята» — подобное удается

товарищ по работе. Главное в эту минуту для юноши — понять, что он не одинок, правильно оценить происшедшее. Потом, я не согласен с утверждением, что молодые люди лишены опыта. Это неверно. С первых шагов человек сталкивается с препятствиями и, преодолевая их, приобретает опыт. У него, конечно, есть борба... В НОРУ ВАШЕЙ ЮНОСТИ, КАЖЕТСЯ, БЫЛ ТАКОЙ СЛУЧАЙ, ВОПРЕКИ КОТОРОМУ ВЫ СТАЛИ ХУДОЖНИКОМ?

— Вы имеете в виду первое зрительское «впечатление»? — улыбнулся Сарьян.

— ИМЕННО. НЕ МОГЛИ ВЫ БЫ, МАРТИРОС СЕРГЕЕВИЧ, ПОПОДРОБНЕЕ РАССКАЗАТЬ О НЕМ?

— Что ж, можно рассказать...

Помимо художественного таланта Сарьяна ожигало. Я ведь родился не в Армении, — начал Сарьян. — Мой отец был крестьянином. Это он научил меня любить землю, помог выработать настойчивость в характере. Мы жили близ Ростова-на-Дону. Окончил в Нахичевани четырехклассное городское училище, и стал работать в конторе. Оформлял подписьки на журналы и прочуя периодику. А между делом рисовал. Особенно мне нравилось делать портретные наброски

На вопросы
корреспондента «Смены»
Виталия ЗАСЕЕВА

отвечает

народный художник СССР,
лауреат Ленинской премии
Мартирос Сергеевич САРЬЯН

ки с натурами. Недостатка в ней не было. Люд и к нам халивали разный: степенные казаки, седловые армяне, приезжающие из-за границы русские. Они спорили о политике, обсуждали городские сказки, а я, сидя за копторкой, незаметно делал карандашные зарисовки. Однажды я открыл один из своих зарисовок перед копторкой бородой. Но не принимал участия в спорах, дремал в сторонке, и рисовать его было легко. Увлекался рисунком, и я не заметил, как одни из посетителей подобрались к копторке, выхватили лист и под одобрительный хохот стал показывать его присутствующим. Меня дружно хвалили, поздравляли с удачей. А когда рисунок донес до казака, тот вдруг страшно перепугался и расстонался. Он не знал, что изображение человека из бумаги грозит тому белой. Придя домой, казак сидел в костеле и притопывал ногами, чтобы отогнать боли. Дома он был уверен, что изображение человека из бумаги вытащило из него душу. Разгневанные родственники потребовали уничтожить «зарисовку», и холмы, дабы не мутить толпу, на глазах у всех в клоаке изодрали монумент творения. Да еще пригрозили наказанием.

Может быть, другого это и сломило бы. Но только не меня. В тот день я понял, что должен учиться рисовать. И вот тут пришел мне на помощь мой старший брат, Ованес. Он собрал все, какие только мог, деньги на мою поездку в Москву на поступление в Училище живописи, науки и зодчества, а потом долгие годы терпеливо помогал стать на ноги.

Отнюдь не роман был устав сарояновский путь в славу. С Армянами вперед, никогда не изменившись.

Испытания закаляют человека. Для умного они прекрасная школа, а недалекий, ограниченный или слабый человек записывается себе сразу в неудачники и пытается по текению, прервала жизнь в пытке.

Могут спросить: как стать умным? Этому нельзя научить, так же как невозможно объяснить не любящему, что такое любовь...

Сарьян повернулся к окну, и я увидел: он волеется, в который раз переживая прошлое...

...Погляди его лучшие работы: «Котайкские горы», «Персидская деревня», «Лорийский пейзаж», «Армянка», «Восточные цветы». Прекрасны хищнические знания. Да и не только знаний. Прекрасны люди. Сарьян великий художник, чью талант щедро расширил с приводом в Российскую новую жизнь, чьи краски излучают теплее, человечнее, ярче.

Глобус картины вначале не произвела на меня особенно тягостного впечатления, — заговорил художник. — Осторуга потери и почувствовал много позже, когда мысленно возвращалась к прошлому и ясно представляла себе том подъем, с которым работал в Париже. Я знал, что большинство никогда не смогут восстановить их. Но были фотографии. Но я не знал, что они были. Их, напомни, они были написаны мной в Париже, в самом первом воздействии французского искусства, восстановить в Ереване было немыслимо. И все же я не отчаялся. Беда впереди у меня была целая жизнь, любимое дитя, окружающий мир мимо красок и людей лежал. Со мною была моя Лусин, моя Арmenia...

Впрочем, что это мы с вами столько времени говорим о трудностях, словно жизнь состоит из одних неприятностей. Разве мало в ней счастий? Только слепец души не видит, как в мире красен мир, как щедра природа со своим «Очарованным источником» и восторгом.

...Свои занятиями художника Сарьян видят в стремлении делать человека счастливым, давать ему силу для борьбы против зла и смерти.

— МАРТИРОС СЕРГЕЕВИЧ, ДУМАТЕЛИ ЛИ ВЫ О СВОЕМ ЗРИТЕЛЕ, КОГДА СТОНТЕТЕ У МОЛЬБЕРТА?

— Это несмыслило. Я беру кисть для того, чтобы передать вечное, непреходящее удивление, восторг перед природой и ее высшим творением — человеком. Я прожил долгу жизни, но и сегодня, как в юности, не могу разодумать прошлое мимо красок и людей. Я не могу забыть запахи солнечных полян, юркого и шумящего горного ручья, уносящегося вниз, чтобы напоить влагой эту ветку, этот клочек проклонившихся травинок. Я не перестаю изумляться вечной красотой солнечного света, и, как малыши, жду и радуюсь каждому его проявлению.

Природа — мой вечный дом, мой единственный уединенный и верный учителя. И я, как бы по-натянутой и будничной на камень, неизменно всегда изумлен и взволнован своей превращений, а порой — и это прекрасно — случайностей.

Берясь за кисть, художник обязан рассказать об всем этом ясным, присущим только ему од-

ному языком. Чтобы человек, стоя на полотна, испытал на себе всю глубину и безоднородность охватывающего художника переживания, которое через глаза пришло в его сознание, закинув там, сквозь пальцы, кисть, — и художник не поминал никакими словами что-либоultimo.

Высший долг художника — быть всегда честным в своем творчестве, оставаться вечным и неустанным проводником природы к человеку, защитником его любви к свободному духу, всему добруму и прекрасному. И, конечно, люби- го человека к человеку.

В моем блокноте хранилось еще одно высказывание Сарьяна о назначении художника: «...для того, чтобы стать настоящим художником, прежде всего необходимо быть истинным гражданином». Отчего-то я забыл, что это за гражданский художник. Необходимо выражать в своем творчестве те общественные идеи, которые обуславливали прогресс человечества, определяли лучше его чары и придают ему силы в борьбе против всякой реакции...»

Я напомнил ему об этих словах.

— Зачем же мне повторять то, что вы уже знаете? — ответил Сарьян. — Лучше и вернусь к человеку, в раздумье стоящему возле картин. Нет, я не вспоминаю о зрителе во время работы. Но потом, когда кисть отброшена в сторону, и жажде одиночества в уединении мысли о галерее, сознание, связанное с этой картиной, счастливое, добре. Может быть обидно за людей, глупых в красоте земли, для которых снег всегда только белый, туча — зеленая, а горы — серые...

— МАРТИРОС СЕРГЕЕВИЧ, МОЖЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК ЖИТЬ БЕЗ ИСКУССТВА?

— Жить? — Сарьян вскинул, казалось бы, всегда неподвижными брови, но тут же успокоился, поняв, что вопрос поставлен чисто риторический характер. — Все зависит от того, что вы понимаете под словом «живь». Если физическое существование человека, то да. Если его чистое существование человека, то да. Но если мы должны стремиться,สรов новую жизнь, то оттуда может быть только один — нет, нет и нет!

Есть люди, которые успешно обходятся без «вместительства» искусства в их жизни. Главная радость они видят в удовлетворении элементарных желаний: сытно поесть, прикрыть тело одеждой (или возможности модной), побольше поспать. Случается, что они попадают в картины-глазницы и покидают их. Но и в этом случае лежат на спине, покинутые детали. «Ты видел, как зверюха художника парировал кроль в картине, где Иван Грозный убивает своего сына?», — рассуждали они потом с видом знающих.

Несчастные, обокраинные себя людьми. В нашей стране, где искусство сделалось достоянием каждого, подобные люди сменились. Какие смешны эти, которые не понимают искусства, нарапорно отвергают в нем все современное, потому что не хотят, чтобы кто-либо имел право на то, что они не хотят. ...Раз я не понимаю, знаю, что это глупость, честногони. ...В Арmenии о таких говорят: «В жизни воле инет». Им и невложено, что судить о произведениях искусства можно только тогда, когда обладаешь культурой видения, знанием истории искусства, а не одним только входитом белом.

— ЧТО ВЫ В ТАКОМ СЛУЧАЕ БОЛЬШЕ ВСЕГО ЦЕНІТЕ В ЗРИТЕЛЕ?

— Честность и способность постоянно удивляться окружающему миру. Согласитесь, в минуту удивления у человека рождается нечто, что не рождается в зрителе и авторе. Все это удивляет его в сторону появления глубинных процессов жизни, зовет к разгадкам величии ее тай. Поэтому, по-настоящему счастливым существует себя лишь тот, кто с годами не утратил этой великой способности.

Убежден: и каждое подлинное произведение искусства тоже должно танцевать в себе удивление и восторг.

Только вернувшись в гостилицу, я, вспомнил, что очаровательной встречей с Сарьяном, так и поднялся на верхние этажи галереи, не увидев скромного ефимка у моря, загадочную рожу на Самбеке, величественный Арагад и многие другие лучшие ранние работы художника. Позже, дождавшись утра, я вновь отправился на Московскую улицу и тихо бродил в одиночестве по гулким залам, наслаждаясь дыханием и откровением старых полотен мастеров.

Неожиданно я услыхал в гостилице шаги. По полу шел подросток — высокий, угловатый. Он равнодушно оглядывал шедевры, не застуживаясь даже тем, что на секунду ни у одного из них.

«Что привело его сюда в столь ранний час?», — думал я, наблюдал за юным посетителем.

Галопом промчавшись мимо акварелей, в руки выпал «на позднейшую приемку» и вдруг остановился у одной из картин.

— Молодой! — подумал я про себя. Он снял шапку, поклонился, что-то пробормотал Сарьяну, раскаленное до звона, сидя с холста, пареня впервые увидел это. Он сидел, смотря вправо — солнце спряталось, вернулся — он снова засиял, как золотой шар. Тогда он стал играть с ним, пока не догадался, что это за звание от освещенной картинами. Он поклонился Сарьяну, и солнце на снегу, брызгах глинистых ям, листах деревьев. И я понял, в этот миг разлился еще один человек, который теперь непременно увидят, что снег на утрам бывает сиреневым, горы — синими, а небо — белым...

Я рассказал об этом Сарьяну. На этот раз мы сидели в мастерской художника, в пять-шестнадцати метров шириной, усеянной картинами, засиявшими в свете ламп. На стакане вдруг стоял еще один начальный холст — синий, с гребнем волны подмигивающей руки цветка.

— Кому — пояснил художник, увидев меня любопытство.

— КАК ВЫ ДУМАТЕШЬ, МАРТИРОС СЕРГЕЕВИЧ, С ЧЕГО СЛЕДУЕТ НАЧИНАТЬ ПОДГОТОВКУ ЧЕЛОВЕКА К ВОСПРИЯТИЮ ПРЕКРАСНОГО?

— Здесь нет рецептов, да и быть не может. Каждый молодой человек обладает своей, неподражаемой индивидуальностью. Не проходить мимо малейшего проявления интереса к окружающей его среде — вот залог успеха. Учитель родители, педагог, как бы он ни был занят, находит время, чтобы сказать: «Слушай, я тебе покажу самое жалостное, а обидное, белое, воду в реке утром зеленая, а вечером — черная? А потом при случае обратят его внимание на изменчивость цвета облака, солнца, речной волны... Ребята, почему? — самый счастливый и самый первый признак их развития, их желания познать секреты природы. Убить этот интерес разинувшим против булыжника гражданина.

— КАКУЮ РОЛЬ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ ВЫ ОТВОДИТЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМУ ИСКУССТВУ? КАКУЮ — МУЗЫКЕ, ПОЭЗИИ?

— Ни одно из первых мест я выигрываю искусство художника, ибо оно — самое первое в мире, человеком, об окружавшем мире происходит в основном с помощью зрения. Так что преимущество графического искусства здесь очевидны. Бережи в руках карандаш и бумагу, он получает возможность с помощью своей фантазии преобразовать мир, наблюдение полезно и глубоко выражает эмоции, постигать тайны формы и пространства.

— ЧТО ВЫ ДУМАТЕШЬ О ПРЕИМУЩЕСТВОХ ДЕТЕЙ ПРОФЕССИИ ОТПОВЕДИ? ВСЕГДАЛИ ВЪЗРОСЛЫМ СЛЕДУЕТ ПОСОЩРЯТЬ ЭТО?

— Помочь подростку выбрать профессию вопрос не менее серьезный и важный, чем познание языка. В этом смысле я не вижу препятствий для этого. Наградой не надо, на мой взгляд, добиваться от подростка желания стать артистом, только потому, что его девушка хотела быть неким, а бабушка хвастать лет прородила таланта в мимике.

— КТО-НИБУДЬ ИЗ ВАШИХ СЫНОВЬЕВ, ВИДУЮЩИХ УНАСЛЕДОВАЛА ПРОФЕССИЮ ДЕДА?

— В моем доме рисовали все. Я никогда не видел, чтобы изобразить так, а вот это иначе. На бумаге и краски не жалел. В результате мой старший сын стал филологом, младший — композитором, винчук Ката — балериной. Она танцевала на Ереванском театре оперы и балета. А Рубен — писатель — пишет. Как видите, живопись — одна из наших забав.

Он поднялся. Рыжим отбросил портфель на землю, зажмурившись от ярких лучей, остался стоять с поднятой к солнцу лицом. Согнувшись под тяжестью проклоненных дыхательных спиц, ссыпал прах золота, первыми пальцами...

А мне подумалось: «Слова его слушают».

— Нам, художникам, нельзя не быть оптимистами. Художники — певцы жизни, а жизни придают золото. Духи, на которых живет жизнь, — солнце, земля. И еще — ульевское течение природы — человек. Ведь от этого постичь законы бытия, наполни пустыни алтайской, украсить горы, космос. И мы открылись не только новым тайнам природы, но и величавая красота родной планеты и красота разумных делений человека. Во имя этой красоты надо жить и работать.

КОМСОМОЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР

КРАСНЫЕ НОСЫНКИ

Юрий ПЕТРУХИН,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

**ТРУД,
ПОИСК,
ЭНТУЗИАЗМ —
XXIV СЪЕЗДУ
ПАРТИИ! —
ПОД ЭТИМ ДЕВИЗОМ
ВМЕСТЕ СО ВСЕМ НАРОДОМ
РАБОТАЕТ СЕГОДНЯ
МОЛОДЕЖЬ
СТРАНЫ.**

Из девяти троллейбусных маршрутов Чернигова четыре начинают и заканчиваются на химических заводах. Часы «пик» на них зависят от расписаний смен у химиков да их соседей с кавказского комбината.

Девчата, выйдя из проходной, не бросились бежать к отправляющемуся троллейбусу, а решили подождать. Их подруги уже пастоялись за целую смену. Потом заняли чуть ли не полсадовы...

...Надя Василок едет с зажатым в кулаке крупным цветком. Девчата бескрайко:

— Смотри, чтобы не сломали твою «пионину».

— Ничего, она стойкая, — говорит

Надя, — всю смену со мной отработала. Не изнеженок.

— Так пусть бы она за тебя и ходила, — смеется Надя. — Одна еще и выдыхает: — У нас в смене так хоть целями спнопами рвали их, а тут на каждый стебелек расцвела.

Цветок — подарок поммистера Станиславу Павловичу Кулакову, который более вот уже почти месяц. И все это время после работы или перед ней (если выходят в вечер) девчата призывают своего старшего товарища.

Дружная компания покидает троллейбус за одну остановку до больницы — у «Гастронона».

Под прикрытием добрых больничных листов круглым доминошным столиком каким-то чудом уместилось девять человек. Навстречу де-

Помощник мастера Станислав Кулаков — первый помощник и советчик девчушек.

вушкиам поднимается Станислав Навлович.

— Затем что вы охоты гостищцев накупили? И где Рах? Сегодня вроде бы она должна была прийти?

— А мы за нее,— отвечает целый хор.— У нас внеочередная репетиция.

Разговор переключается на комбинатскую тему. Навлович, официальный процентов не кунжут. Станилав Навлович достаточно узнат, что все идет по-прежнему, то есть нормально. Интересуется он только отношением кротильдиц к новому (но временному) поммастеру — тот хотя и покойный человек, но и командирской должности новичок.

Хороший дядечка, — говорит дядечка, — но каково герояворачиваться. Соскучился он нас, что ли, или боится?

— Ничего, — успокаивает их Кулаков, — вот я через неделю выпишусь тогда и наговоримся. И про график и про контрольные размотки. Как там, сюрпризы в конвой москве не предвидят?

Всё в порядке, посмотрели на Люсь Шевчук. А та в краинка, румынка — раскраснелася — пуще прежнего.

...Дело было в марте. Не успели у девчат потускнеть праздничные впечатления, как грунтула беда. Менято март не только первый весенний месяц, но и последний. Станилав Навлович подсчитал, что некую тяжело будет с программой. Администрация бросила на прорыв к стаканам даже контроллеров. А это значило, что контрольные размотки больше не будет и результаты первых проверок станут сразу итоговыми. Обычно контроллеры в каждой кротильдии находят не меньше в месяц находок. Набирают по целой охапке ватушик и тщательно их проверяют. Потом в последних числах для каждой работницы выводят процент качества.

И вот в невезучку. Любы всего было проверено 20 кратушек (а за месяц они накрутили их более десятка тысяч), и ни одна из них не имела брака, и больше проверок не было. Принимали вина 95 процентов!

Люба, конечно, расстроилась: весь комплекст подвел. Тем более ей обидно, что по итогам прошлого года она даже знак качества имела — ни одного замечания не было. А ту таковой сырьем. Всем понятно, что от слуха о том, что кротильдию застригли, как забрасывают катушку, — достаточно чтобы один узел на нее забыть потными пальцами — да-за спешки, например.

У самой Нади размотка показала 100 процентов. Положение обнадевает: она и комсорг и лучшая кротильдица. А еще — самая главная первоклассница. Тогда, конечно же, было, как скаже «МН», пребывает к начальнику смени Борисовишу, расплакалася: «Что же делать, Николай Андреевич? У Лиды опять маслянина петля. А ведь все вроде бы делали одинаково». Теперь пошел другой разговор — самокритичный, с анализом:

— Давайте будем повнимательней и друг к другу и в машинки. Не разучились же мы в самом деле работать по-настоящему!

В агреле мартовские непрятности были забыты. Когда подвели итоги предыдущего соревнования, сказалася многомесчная отличная работа всего комплекса. Комсомольская группа Нади Васильев и ее подруга была названа лучшей по всему Чертанову. Любы прилегли, — комсомолки в забытые медали — все радостное. И было еще прохождение с 48-й машиной.

Вахта на 48-й — интересное дело девушек. На заводе в Ташкенте это была машина как машина, а на комбинате в Чернигове она попала

как бы в запасные — на самую грязную участку. На последнюю машину работниц всегда не хватает, и поэтому они чаще всего бездействуют. Черные, без праздничного наряда бобин и катушек, стоят они, как зимние деревья с горами ветвями. И их потихонечку «раскачивают». Когда и поставят кого из них работать, то получатся одни непрятности: никто не рукается, машины не крутиются.

Такой была и 48-я машина. Про нее даже легенды поплыли: дескать, стоит она под плохим кондиционером, и атмосфера вокруг нее из-за этого неподходящая. Действительно, из-за переувлажненного воздуха машина не может работать. Поэтому в цеху поддергивается искусственный климат, за которым внимательно следят самонесцы, связанные к самым бобинам. И девчата считали, что причину плохой работы 48-й надо искать в буквальном смысле воне на потолок. Свою правоту они сумели доказать.

В начале марта 1967 года кото-ротильдица, что для ленинградского юбилея их смене останется отработать ровно сто дней. Тогда и решили кротильдицы в эти дни дополнительно обслуживать 48-ю машину и давать на нее высококачественный корд. Кулаков просидел за технической стороной дела, — подсчитал, оснастил. Нади вспомнила об «оригинальном» звене журнала сверхплотной выработки. В первый день вахты съем с подибной машиной чуть не дотянулся до нормы. Похоже, что девчата первостроительчики и передергали отдельных перегорена на тормозе, исправляя брак. На крутке это возможно, если взвремя заметить, что же происходит. Это значит, что машина «облагородила» катушку, когда с нее снимают несколько грязных витков. На второй день девушка Надя. Она работала уже смееще. Продумала заранее маршрут обхода своих постоянных двух машин и дополнительного участка. В любой момент знала, какими бобинами вот-вот потребуются. Так что съем осуществлялся порыв наполнения и возвращение педалью покрышки. Но устала сердечно. Внегорь пропустила репетицию хора, не из-за другого более важного дела, а просто отыхаться от общезимки.

Вахта продолжалась. Решено было сохранить очередность, ответственности за 48-ю. Помимо технического, в цехе было многое, что будет называться вахтой борьбы за полную загрузку оборудования. А по существу, девушка занялась спортивным пессимистической последовательностью и се-ми иныхых. И в декабре, и в январе, и дальше, до 21 апреля включительно, с подибной сминалася только комсомолки, с подибной сминалася комсомолкою своей общей идеи, независимости на испытание, как постоянно было в школе и в училище. А комсомол шагал к своему юбилею. На многих заводах размыкались членов первых ячеек, воссоздавались историю организаций. Капронщикам в этом смысле тяжелее: их история только начинается. Но ведь не сию же сцене они появились. Использовали общий.

Надилюк и Васильев предложили комплексу начать борьбу за право называться корчагинским. Почему? Фигура Павка в Бирже — полуразбитого, большого, но с высоким подией в замахе киркой — давно ведь стала символом труда и борьбы. Тогда девчата могли не достичь успеха, и змеиные глаза романа, где героя тянуло в «огромные каменные коррусы... к тихому широку шквори». А как было не вспомнить Павку, притрагивающего к набору «златый мазутом» и жизни цементный пол, — как было не исполнить его на своих субботниках?

— Мы это дело рассказали шире, — обещала товарищам Павка, и иено, что речь шла не просто о проволочном коврике у дверей цеха. Это говорилось о новом отношении к тру-

уже опытного производственника (сейчас он заместитель секретаря комитета ВАСМК по комсомолу).

Женщины расправили дочь в машину. Начали работать, начали привыкать. Надя Васильев

как бы гостить других освоялась с ролью работницы. Тогда и выбрали ее комсоморским комплексом. Работчики пятнадцати опустились в машины. Начали работать, начали привыкать. Надя Васильев

как бы гостить других освоялась с ролью работницы. Тогда и выбрали ее комсоморским комплексом. Обеим

компликтам пошли на закалку тех черт рабочего характера, которые входят в наш моральный кодекс.

В официальном письмовом документе написано, что силами комплекса № 1 в неурочное время выпустили столько-то тысяч квадратных метров пола, протянули 150 метров монорельса, рассортовано 10 тысяч катушек. А в своем рапорте о досрочном выполнении обязательств комплексом было сказано, что в течение суток использовали в субботниках. Обеим

группам пошли на закалку тех черт рабочего характера, которые входят в наш моральный кодекс.

В официальном письмовом документе написано, что силами комплекса № 1 в неурочное время выпустили столько-то тысяч квадратных метров пола, протянули 150 метров монорельса, рассортовано 10 тысяч катушек. А в своем рапорте о досрочном выполнении обязательств комплексом было сказано, что в течение суток использовали в субботниках. Обеим группам пошли на закалку тех черт рабочего характера, которые входят в наш моральный кодекс.

Все это было в свое время на Бирже, — лесоразработки!..

Так в цехе появились корчагинцы, о которых вскоре узнал и весь город. А они шумели, что центральная танцплощадка Черногория на древнем валу — это них называют «корчагинцы». Иначе Кордниковы будто бы тоже из обывателей. Ну что же, потому что обывателей не путают, конечно же, комбинат основательно введен в жизнь тысячулетнего города. Добрая слава капронщиков поддерживается трудом тысяч становищ и аппартиков. В том же цехе кротуки корда и есть, — это и рабочие, и бригадиры. Предложение о переходе на расширенный фронт обслуживания — с полутора машин на две — родилось, кстати, в другой смене, не в Бирже. Но именно корчагинцы первыми подхватили почин товарищей

Такие разные, такие вез-
хожающие, они сидят и дру-
гими в работе. Но при же-
вместе они — бригада.

по ноту: начали уверенно выполнять повышенную норму.

Как-то незаметно почти все девчата оказались на общественных постах. Кто — профгор, кто — культгор... Оля Гришико стала членом совета комбинатской библиотеки. Ганну Ременок даже в комсогре смены выдвинули ее заместитель — Любя. Обе студентки-заочницы, друг друга выручают. А Надя ни в какие глаза не отводит, чтобы не зевнуть. Но прары на нее теперь предъявляют, кроме шести братьев и сестер, подрастающих вдогонку, кроме подруг по работе, еще и пионеры одной черниговской школы и девушки из ансамбля бандурристок.

В цехе же сейчас ко множеству нагрузок добавилась сразу всеми компликуше еще одна — узкие бумажные ленты, прошитые ровными рядами цифры. Ни каждой машине сдвигают эти горизонтальные графики электронного происхождения, как горючий И. А. Борисовец сказал:

— Рассчитывали его машины, а выполнять будут люди.

Новый график отменил аварии — это хорошо. Оля Гришико сумела вычислительную машину в ошибке уличить:

— Ой, Николай Андреевич, посмотрите: после десятого числа опять десятое пробито. Что ж мы, на «бис», что ли, будем повторять?

Во время работы XVI съезда ВЛКСМ кордатинцы удивлялись, как много из говорившегося там было о технике, о производстве и их участии. Шахтер Сычев инкогнито выскользнул с романтике квалифицированного труда, а не об этом ли спорили девчата со своей

бывшей подругой Аней, которая со-
стуপила к нему, захватив чайку с чаем
такого геологического местного, но
до сих пор сидит дома и ждет,
нигде не работает? Ткачиха Шев-
ченко из Купавны рассказывала о
своих 22 паразитных птицах —
купольная ткань не подведет.

— А стропы-то каприозные, —
прокомментировало черниговские
крутильщицы.

Предложение о создании Фонда
комбинатской экономии сразу вспомнило о купальском промискус-
лении, позволяющем прямо на ма-
шине бывшие отходы превращать в
заготовки для рыбачьих сетей, во-
лебольбых сеток и т. п. Станислав
Павлович придумал свое веретено, а
девчата внедрили его в жизнь. Од-
ной из первых дополнительной опе-
ральною осыпалась Надя.

Ворота были запечатаны золотистым
по блеску мозаичным плитам пеша.
Приподнимается на мыльчики, чтобы
достать бобину с верхнего ряда. Не-
уловимыми движениями влечет узел,
а сама смотрит вперед. Мгновение —

— красная космиска пльвет уже с
другой стороны машинки (космисок
в цехе много, но на красную имеет
некоторую привязанность).

У комсогра сейчас хватает забот.
Вместе со всем комбинатом прини-
мали недавно обязательства к XXIV
съезду партии. Девчата решили скро-
нировать ко дню открытия съезда
900 килограммов шелка, выпустить
сверх плана 12 тонн высококачест-
венного корда, а норму выработки
дня довести до 1000 метров. Их мечты
стали немалы, но на то они кордатин-
ицы, чтоб брать ишу потяжелей.
А другой жизни просто неинтерес-
на...

Надя Васильев. Комсогор и зумчак кругильщиц.

ЛЮБОВЬ и ЗНАМЯ

Юрий НАГИБИН РАССКАЗ

Я

помни в мельчайших подробностях все события того необыкновенного дня, но, как ни странно, не помни основополагающего события: с чего все началось, какой праздник нарушил обычное течение школьной жизни тем далеким днем уходящего мая. Загадочный инструмент — память: сохранив память на всю жизнь залы Катиных волос, дрохи барабаны, тяжести знамени в руках и упущенную глашатая, помнили были барабанны, и знамя, и близость Катиных волос, почему вдруг с пионерами блазенескими школ, повели в Театр Революции, а потом на Красную пло-

щадь. Конечно, при некоторых усилиях можно установить, какое тогда произошло торжество, но что это даст! Одни честный писатель-маринист говорили, что завораживающее обилие названий в его морских писаниях — вовсе не от блестящей памяти, просто он не ленится заглядывать в старые лодки, атласы, карты морей. Ну, а мне хочется обойтись без стихий, обойтись чистой памятью, вернее сказать, добраться ею до первого яруса.

Был Великий Пионерский праздник на пороге лета. И мы двинулись от двора школы в Любецком переулке к Покровским воротам, месту сбора пионеров района, затем по копью «А» и Никитской, откуда рукой подать до Театра Революции.

То был долгий, хотя и следственный путь, — рядом, касаясь меня ложечкой смуглой руки, шла Ката Вишнякова. Присутствие Кати делало меня счастливым, хотя и несколько компрометировало происходящее. Считалось, что из лучших из лучших удостоены чести представлять отряд пионеров района Котики пионерским энтузиазмом было весьма сомнительно. Свойства. Горой она не прочно была пригнана в пионерку, без стечения, и в приличную ученицу, но хватало и ненадолго. Нелза было однозначно и первая красавица, и отдельная личность, пионерский отряд. Ката исправно несла службу красоты, это, видимо, и обеспечивало ей место в наших пока еще нестройных рядах. Конечно же, важнейший-старшеклассник прошел на ее место кого-то другого: или длинную, плоскую, как гладильная доска, Агнессу Шицкинину — унаследовавшую образец всех школьных добродетелей, или Зину Кострову, всегда готовую взавалить на свои крутые, бородавчатые плечи любую нагрузку. Но где-то недалеко стояла Ката, лентянка и распустеха, и хлопала пушистыми глазами, и эти непоминали движение бабочкин-трупинцы, то сидящей, то размахивающей темными бахроматными крыльышками, и, прожигая себя за беспричинности,

Рисунок Евгения ШУКАЕВА

вожатый прятался пригластительный билет ей. Сейчас оншел впереди колонны вместе с другими вожатыми и меланхолически размышила о том, стояло ли крикнуть «свистеть», чтобы облагодетельствовать других. Другими были мы с Павликом, — нам было счастье поддирать Катю со двух сторон!

Мы оба были в нее влюблены. Я — открыты, Павлик — с той сдержанностью, что мало знали его представлялась эмоциональной тупостью. Соперничество не только не развелось нас, напротив — слепило еще крепче. На первенствах мы вместе ходили смотреть на Катю — она учила в другом классе.

Катя была спортивного склада, а не привередского склада и одевалась соответственно: синяя юбка-штанишка с закатанными рукавами, клетчатая короткая юбка и спортивные туфли на резине. Она обладала редкостным свойством быть самой по себе в любом колорировании, не растворяться в окружающем. Вокруг нее вечно кружились мальчишки, более смелые и менее влюбленные, чем мы с Павликом, ее окружали подруги-дурнушки в надежде, что на них падет отблеск красоты, а Катя минуту от толк не забыть, сохранила полную обособленность. Этому помогала некоторая заторможенность отзыва. Катя никогда не откликалась сразу на обращенные к ней слова, хотя слышала их. Если звук был привлекательности, она, что называется, фокусировалась, мгновенно улавливала его, как бы вспыхнувшую лавой, оттока посторонней мысли, и наконец отвечала, чаще всего невнятно, ибо все-таки не успевала всплыть из своих глубин. Но случалось, она говорила вздор сознательно, из зорости, пренебрежения или самозащиты. Конечно, так вести себя позволено лишь первым школьной красавице. Она жила, душевно опрекаясь нас, своим сверстникам, ее ум коснулся дуновение тайн, о которых мы лишь начинали догадываться. Ее душа была сосредоточена в себе, и чтобы вступить в общение с внешним миром, Катя требовалась некоторое преодолевающее усилие. Но тогда мы не утрудали себя подобными размышлениями, мы просто смотрели на странное чудо посторонней и так ощущали ее притяжение. Катя была для нас, для всех, для каждого в отрыве, для беззастенчивой всеми, и мы в почитительном отдалении. Ее Катя куда-то брела, мы следили за ней. Вдруг, подчиненная неизвестному внутреннему толчку, она стремглав кидалась вверх или вниз по лестнице, мы сложили голову устремлялись за ней, перекинувшая через ступени. Ее брали в обхват старшеклассники, веселые, самоуверенные боги, и мы выглядывали из-за их спин, как любопытные во время уличного проношествия. Звенел хрюпкий, пружинственный звонок, Катя скрывалась за дверью класса, пугливы коридоры. Мы с Павликом обменивались взглядом, все было ясно без слов, и медленно плелись всовсю, в тоске урока, в страх, что вызовут к доске, в печаль, что ничего не было изменено.

Шесть лет учились мы с Катей в одной школе — с первого школьного дня, и лишь сегодня впервые обменялись прытким, ничего не значащим словами, полным скрытого значения и смысла. У меня такое чувство, будто я объяснялся ей в любви и объяснялся моим принятим блаженством. И некоторая неподвластность перед Павликом владеет мной. Он-то не обменился ни одним словом с Катей. Мальчишкой от природы, он сейчас и вовсе онемел. Даже когда обращалась к нему, Павлик лишь кивает головой, поминает племянами, пренебрегает или округляет глаза. Чего это с ним? Осторожно заглядывая ему в лицо. Взгляд ясный и, как всегда, словно бы изделия. Наверное, все дело в том, что Катя — это Катя.

Я у遁了自己的 отвагой, находчивостью и свободой. Никакого великолепия. Был один, кто Мальчиш спутниками. У меня одна задача — разить свой успех, отличиться, выкинуть что-нибудь небывалое. Но что можно сделать, когда тебе увлекает строй, неровный, разబрантильный, но все же строй, которому приходится подчиниться. Почему молчат барабаны? В их дроби нашло бы хоть какой-то исход распирающие меня чувство. Но барабаны висят на бедре у барабанщиков, клевые пальчики засунуты за ремень; зачехлены знамена, их несут на широких плечах старшеклассников. Праздник еще не начался, и барабанщики затаились, затаившись, в темноту, впереди тек сок, что зовутся временем. Он предопределил, рассчитал и все знает про себя, а стало быть, и про нас, каждого отведенено свое место, свою судьбу.

Вздохнул, нестройно, но довольно ходко колено шагала по Москве. Зеленела молодая листва бульваров, и еще эрекции насыщено покрашенные к весне железные кубы и цилиндры общественных уборных; мачились одиночные, без пристоя, вагончики трамвая «А», грохотали телеги по Бульвару Ульянского переулка, там находился извозный двор, где дачники нанимали подводы для перевозки вещей. На горбине Рождественского бульвара, будто на краю пропасти, сиротливо жалко к тротуару kostильные, пильные мастерские, в которых извозчики, покурив лошади медленно ворочали челядьми в длинных торбах, а извозчики поддергивали на колзах в тщетном скидании седоков, они синились «Стрельцами» и «Ярь». Пояло было такими фарфориками и доминантами: вес гипнозов московского таксомоторного парка, темно-синих «ярнов» с татарскими носами.

Переходя на русь, мы ринулись в прорыв — к Трубной площади, застроенной, палаточной, потоковой, звонкой и шумной. Затем долго поднимались вдоль узкого, об одну алею, пустынного Петровского бульвара; мимо бульвары справа и тенистого, сиротствующего Страстного бульвара слева мы вышли на Тверскую площадь — последний рубеж, и в шея Москвы. За памятником Пушкину начинились заграницы. Мы вышли на площадь прямо против кинотеатра «Красный»; справа, на углу, видимся рекламный щит «Центрального». Я сказал Кате, что впереди и «Голос» «Бородинский» из Чили, а в «Центральном», бывшем «Штурмане», сидят «Знаменитые люди». Нападено на Виргинскую почту. Катя была потрясена моей светскостью. В благодарность я привел ее к темно-синим «ярнов» с татарскими носами.

Переходя на русь, мы ринулись в прорыв — к Трубной площади, застроенной, палаточной, потоковой, звонкой и шумной. Затем долго поднимались вдоль узкого, об одну алею, пустынного Петровского бульвара; мимо бульвары

справа и тенистого, сиротствующего Страстного бульвара слева мы вышли на Тверскую площадь — последний рубеж, и в шея Москвы. За памятником Пушкину начинились заграницы. Мы вышли на площадь прямо против кинотеатра «Красный»; справа, на углу, видимся рекламный щит «Центрального». Я сказал Кате, что впереди и «Голос» «Бородинский» из Чили, а в «Центральном», бывшем «Штурмане», сидят «Знаменитые люди». Нападено на Виргинскую почту. Катя была потрясена моей светскостью. В благодарность я привел ее к темно-синим «ярнов» с татарскими носами.

Наклонившись к ее голове, я выдал слабый, чистый, теплый залп. Я засыпал ее, засыпал ее, засыпал ее. Потом, когда засыпалась, и засыпалась в ее волос, засыпал из губами, но поцеловав сквозь волосы, засыпал из нежной ее легкой субстанции. Со сцены посыпалась жаркая пальба, засыпалась и погас огонь; да, прибыток тымы, я глубоко погрузился в ее волосы, мой рот принял к тверди и теплу темени, и я поцеловал темя. Я уже не понимал — в театре или во мне самом творятся гром и вспышки. Внезапное ликовование уступило место щемящей жалости. Катя казалась такой маленькой и беззащитной, я погибал в сладком сострадании к этой нежной, круглой жизни. И уши лилю мою, а весь я потонул в Катиных волосах.

Сцена отстrellyala, и в зале забрезжил свет...

От театра к Красной площади мы шли четким строем. Гремели барабаны, колыхались, рдели знамена, сверкали золотом кисти и наконечники дреква. Миниатюра сдерживала поток машин, телег и пролетов, глазели потрясенные проклятие. Подвластная нашему движению, замирала Москва. Я совсем забыл о любви, — это, что в мир приносит флейта, то уносит барабан. Катя и сама

будто отодвинулась в тень. Она понимала, что несет на Красную площадь лишь свое беспечное девичье сердце, а мы — душу будущих солдат. Наши по-коление воспитывалось на песнях гражданской войны. И едва лишь горец, выстилающий площадь, ложился под ноги, мы становились воинами и мечтали погибнуть в бою. Для многих из нас эта мечта сбылась...

В последнем кратком замешательстве было чистой расщеплены между Красной площадью и Страстным Иосифовым музейом Колья Лазукин, щеколдинский бутузер, почему-то всегда занимавший командные посты, определил нас с Павликом в платокносы. Нам доверили широкое красное полотнище с зодиаком. И хотя это окончательно различило нас с Катей, мы не колебались, ибо принадлежали сейчас грому, а не соловьевому свисту. И ту же минуту взглянула дерзость, порожденная недавней победой — не над Катей, над самими собой.

— К четырьмя! — сказал я. — Давай мне знамя!

— Что-о? — прищурился Лазукин. — Ах ты мелочь пузата!

— Я по-послу знамену, — сказал я.

Колья усмехнулся алчной, людоедской улыбкой заветного бутузера.

— Правильно, — сказал он, — тебе только и носить.

И сразу мне в грудь ткнулось дрееко знамени. Я едва успел обхватить его руками, как Лазукин втолкнул меня меж двух росых знаменосцев, и мы двинулись.

Всюмин знамя на плечо, я удивился, каково оно легкое. Мы шли по торцовой мостовой, слегка проскальзывающей под подошвой. Мостовая здесь приметно горбилась, я впервые заметил, что Красная площадь находится на холме. Не так и должно было быть же ей, в нынешние лекалы!..

Знамя было легким, но и тяжелым его не назовешь, оно хорошо и прочно давило на плечо, и рука, лежащая на дрееке, без всякого усилия сдавливала противника.

Сзади идет Павлик. А еще дальше в колонне — Катя, и она видит мою музественную спину и крепкое плечо, противоборствующее давлению дрееки и тяжелого бархата. Да, я нес не простое кумачовое знамя, а бархатное, цвета раздавленной вишни, с золотой бахромой и громкими золотыми кистями, с золотой массивной стрелой на концах дрееки, самое большое и тяжелое знамя в отряде, а может, и в всей площади...

Мы приближаемся к Мавзолею. Еще нельзя было разобрать, кто там стоит, но знаменосцы сделали коротков, резкое движение, и знамена из николовского полотнища стали стоять. Я поспешно последовал их примеру. Так нести знамя оказалось куда труднее, хотя в ход пошли и левая рука. Раньше основная тяжесть приходила на плечо, а теперь сосредоточилась в руках.

Я покосился на моих соседей — они, окаменев лицами, печатали шаг: знамя будто вырастали из тела, прямое, гордое, дрееко не склоняется, легкий ветер играет кистями, будто листва деревья. Я также попробовал закаменеть лицом, но сам чувствовал неубедимую силу знамени. Мы как раз поднявались с площади, когда оба гиганта, разорвавшие знамена и понесли их перед собой на вытянутых руках. Я чутко замешкался.

Был краткий миг блаженства, когда я повернулся, что могу делать все то же, что и они. Этот миг вместе с клоком голубого неба, пестрицы Василия Блаженного, едва угаданным промелькнувшим Катиного лица, всплыши гордости и, не оформившись в очертанный образ перекинивания, пропал в липком страхе, что мне не удержать знамя.

Души во мне заметались, как звери в клетке. Я не отваживался глянуть на Мавзолей, мон глаза были прикованы к рукам, склоненным к земле, боям, будто обмороженное суставом, и я не мог оторваться. Апереди еще стояло народу... Голоса, голоса, надо сказать на месте тех, кто вышагивает вдоль Мавзолея, лица тех, кто импровизирует, кто импровизирует, кто импровизирует...

Знамя тянет меня вперед, я пытаюсь сопротивляться, но все же обгоняю боковых знаменосцев. Краем глаза ловлю скользкую фигуру их бесстрастно-героических лиц, и они становятся еще хуже. Они идут так стройно, так прямо и четко. Что если сны стараются не сменять, подравниваясь с ними. Сны, плечи и локти обдергеными, но эта одревесневшность не придает крепости, напротив, лишает власти над своим телом. Но рука не послушается, и оно напоминает твоей же, они тянут, тянут, чтобы сбросить с себя судорогу. В стыдливом сопротивлении проявился тот, кто сейчас проходит. Я ровно знаю, что передо мной Мавзолей и падаю на сам. Но это не спасает меня. Лишь мертвому позволено выронить знамя, а я останусь живым и пройду через чудовищное унижение: замешательство, задержка колонны, крики, затем кто-то подхватит знамя, поднимет за широку меня, встрижет и толкнет вперед. В огромном коловращении площади это может остаться незамеченным. Нет, с Мавзолеем все видно. Там увидят, что упало знамя, а знамя не должно падать...

И все-таки оно упадет — вдым бархатом на торцовую мостовую, золотом шириной в пятьдесят сантиметров, и падет, острый своим наизнаночником зачеркнет сегодняшний день, и все, что было, и все, чем я, казалось, стал, зачеркнет мне душу. А затем не стало ни страха, ни стыда, ни сожаления, все кануло, осталось лишь безмерное одиночество, пустота. Страшное одиночество среди стольких людей!

И вдруг из этой пустоты ко мне протянулась рука. Я не знаю, как это произошло, но и уже не был один. Я слышал голос Павлика и чувствовал его за спиной, его дыхание касалось моего виска. Я не различил обращенных ко мне слов, какой-то гул, который вспыхнул, голову, но я знал одно: если упаду, знамя подхватят Павлик и я.

А потому что-то пытался вырвать знамя из моих рук, но я не отдавал, вернее, не мог отдать, потому что свело пальцы.

— Отпусти! — услышал я тихий голос Павлика, — теперь можно.

Да, Красная площадь осталась позади. Перед нами была Москва-река, и, как всегда, здесь, у реки, колонны рассыпались, стали толпой. А знамя хотели забрать Колья Лазукин.

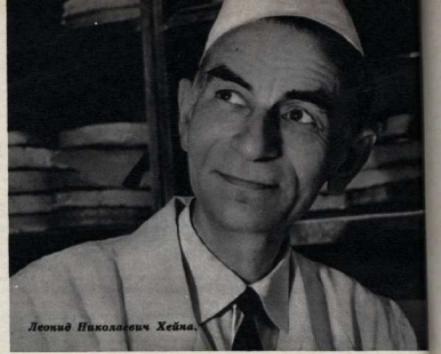
— Выти лицо, — сказал Павлик.

Я уступил знамя Лазукину, достал носовой платок и стал вытирать мокрое и почему-то грязное лицо.

— А ты силен! — с неуверенной игривостью сказала Лазукина.

Я смеялся. Могу ли я помочь и немного пугнуть. Руки были вспотевшие, я едва справлялся с платком. У меня не было зла на Лазукину, просто сейчас не хотелось ни с кем разговаривать. Даже с Катей. Я мог сейчас мочиться с Павликом Павловичем — больше ничего. Все стало камни-то неважники, второстепенным.

Я бросил к ребятам путь, через Солянку и Старосадский, пошел домой. Потом в чисто думал, почему мне было так печально в остаток того необыкновенного дня, когда я поцеловал девочку, пронес знамя и узнал, что такое дружба.

Леонид Николаевич Хлебников

Твоя профессия

Лина ТАРХОВА,

Владимир АННИ (фото)

СОЛЬ И СЕРЕДИ СЛАДКОЙ ЖИЗНИ

Одно из чудес кондитера.

апризные бисквиты стоят, как актеры за два часа до спектакля — без грима и украшений, стоят, коли свою, магнитическую сладкую силу, чтобы быть упомянутыми в воспоминаниях о других остроумных городах. Таллин — город удивительный, и это отмечает всякий журналист, побывавший там. К этому можно добавить, что столица Эстонии — город последовательный. Жители Таллина ценят красоту, и жизни их сопутствует бездна изысканных мелочей вроде кожаных ковидеров для письменных столиков или для бутербродов. Талланчи обожают цветы, и в любом крохотном цветочном магазине вы купите тяжелые махровые гвоздики. Издавна знают талланцы толк в изысканных изделиях кондитеров — и потому у них есть Леонид Хейни.

Кабинет его уставлен будущими сокровищами: на столе лежат пирожные с изюмом, на кресле — каштаник, на полке — крем-брюле, на другом кресле — каштаны с кремом, на третьем — крем-брюле с ягодами. Талланчи обожают цветы, и в любом крохотном цветочном магазине вы купите тяжелые махровые гвоздики. Издавна знают талланцы толк в изысканных изделиях кондитеров — и потому у них есть Леонид Хейни.

Кабинет его уставлен будущими сокровищами: на столе лежат пирожные с изюмом, на кресле — каштаник, на полке — крем-брюле, на другом кресле — каштаны с кремом, на третьем — крем-брюле с ягодами.

комнаты до головокружения наполнены сложными запахами кардамона, гвоздики и таинственного агар-агара, героя детективных романов. Агар-агар растет в окнах у берегов Японии, корицшу привозят из экзотической Африки. Только так неревально может появиться в кабинете кондитера. А вот он сам — улыбается, отрываясь от письменного стола. Неожиданно худой, болезненно острожкуй, сметливые мудрые глаза. Наверное, такие представляют себе деда старого доблого папу Карло.

Среди стекляшек, кастроля, тазов, расставленных с неизвестной мне логикой, — белый ковидер, чисто ухоженное место для письменного стола. На столе ваза с тутими валиками гладиолусами и лист бумаги. Начало всего — белый лист бумаги, потому что лаборатория кондитера не кастрюли и хлодовая с припасами, а лист бумаги и кардамон.

Как у математика, или поэта, или бухгалтера.

— Леонид Николаевич, сколько ваши рецепты, ваших изобретений ходят по свету?

— Даже не знаю. Я никогда специально не считал. Некогда. Но, если приблизительно присмотреться, думаю, около сотни. Просто у меня ученые называют это, конечно, торты «Срежковский», «Таллинский», «Альминский», печеные «Галлианская лакомка», «творожные концептики».

Я-то уж знаю, что за «овощные концептики» или «нестравленный». «Овощные концептики» — это каштаны в коньяке. Николаевский, не один день с большим удовольствием изучала его работу в кафе, которому город дал свое имя. А потом, заходя в другие кафе, молочные залы, столы, всюду встречала знакомцев — все самое вкусное, что вымакается и смеется здесь, создано фантазией Леонида Хейни, кавалера ордена Ленина, лучшего кондитера Эстонии и, быть

может, всего Советского Союза. Во всяком случае, к нему ездят за наукой инсектоиды изменили все страны — из Южно-Сахалиска, Караганды, Карагату, Кинешева, Львова, Киева, из десятков городов. Недавно привезли из ГДР — задумались открыть у себя кафе «Галлианы», и, конечно же, привезли советоваться к Леониду Николаевичу.

Что говорить, вкусно былознакомится с работой этого человека. В Таллине я все время вспоминала, как ждали мы в детстве праздников, потому что в праздник мама печет пироги. Где же мы завидовали тем, кто работал в кондитерской фабрики — сказки иногда неосторожные доносили ветер до нашего двора. И весь наш двор утверждал, что в кондитеры идут те, кто любит сладкое.

Сейчас мне захотелось проверить «гипотезу».

— Вы любите сладкое, Леонид Николаевич?

— Что вы Мне сладкое любите, я дитя. И дома, как нарочно, ни сыы, ни жена их не любят — и седузы подавай и на первое и на третье. А насторожеши кондитеру и нет необходимости любить сладкое. Беда достаточно одного взгляда на рецепт, чтобы понять, какой вкус в виде торта или пирожного будет получше выпечки. Я и новые рецепты так составляю — в уме или с карандашом.

...Все-таки очень повеселило всем нам, кому можно сладкое, что в 1934 году из длинной очереди безработных в кафе «Хельга», где работал кондитер-изобретатель, выбрали Леонида Хейни — долговременного ружистого парня, сына дворника, с двумя семестрами университета (агрономии) за плечами. Учится дальше не было средств, и Леонид ходил от объявления к объявлению.

— А если бы вас не взяли тогда и не стали кондитером?

— Был бы кем-нибудь другим. Я недолго времени работал чугунщиком и очень это дело любил. Во времена войны при медсанчасти состоял, накладывал гипс. Не хваталась, скажу, ко мне всегда была очередь бойцов. Гипс накладывал и я, и мой отец, и мой старший брат — все сделали — у самого луша раздует. Такой, видно, характер — я, как ни странно, всякий работу, какой занималась, люблю. Во всякой любви к работе, которую делаешь, есть, как мне кажется, две части — любовь к имени и любовь к труду вообще. Если в человеке ни сумела воспитать любви к имени, то есть бывает по душе. Много я видел ребят, которых не могли ни на какой специальности остановиться. В кондитеры пойти — там трудно, в токари — скучно, в шоферы — мало разнообразия. Так ведь можно перебрать все двадцать тысяч современных профессий. А все дело в том, что люди работают, упорно работают, не умеют. Когда работу выбрали, надо думать не только о том, подобны ли ты ей, а и так: тебе она полюбит ли?

— Какого же человека ваша работа не полюбит?

— Ленингово. Это самое плохое для кондитера, если он ленингов. Наприимер, нужен кондитер. Надо ему недавно мурлычился, под самым рецептом. Потом прочитал выпечки. Вот у меня в журнале записано: для «Альминского» торта мы делали по 7 выпечек. Его можно испечь так, что на 10 килограммов продуктов выход будет минимум 800 граммов, а можно и так, что плюс 750. Это же надо найти. Наша работа кропотливая, вней много мелочей, и все важные. На каком-то вокзале — иногда любопытство

превозмогает осторожность — пробовать на языке на маргарине. Это же ужасно широкое на маргарине. У меня даже настроение испортилось. Года два прошло, а я помню то широкое и даже как будто виду чувствую за то, что существует кондитер, которым совершенство не понимает, не чувствует своей работы.

Маргарин тоже было «модно» — один из самых модных товаров, но у него, к сожалению, мечтой не является. Поэтому мы очень тщательно всегда обдумываем новые рецепты. В кафе у нас последнее слово о новом изделии — за кулинарным советом. Я его председатель. Потом материалы идут на утверждение в наше республиканское министерство. Потом наше изделие все инстанции проходят, и только тогда оно становится нужным. Но ни разу мне не приходило в голову все бросить и спокойно выпустить старые вещи. Да я бы себя ужалить перестала. В нашем кафе в ходу не меньше 250 рецептов. Новых еще штук семидесяти лежит. Никто до них не доберется — все такие текстука, тонажем каждого изделия. А талисманом нашего заведения стала маргариновая пирожная с ягодами. Теперь летом один вопрос: где парижские с ягодами? А с ягодами возни много. Смотри-ти: мне присыпют ягоды (алюзия это уже «наши», постоянные), я по весу принимаю. А как пахнет? Мы привыкли так, как порядок хозяева это со специальным бланком пишут на раковине, где мысленно на бланке сразу видно где что для. Мне несут крахмажки, смородину черную и красную, малину. Принять, немедленно переработать... Вот у меня на ягоды специальный таламп заведен. Я как-то уходил в отпуск, мой помощник обрадовался: «Этот туэт буквально быстро приехал». Хороший он работник. А я, конечно, еще, терпеть не могу. А без терпения мы и погибнем. У нас план в месяц почти на двести тысяч рублей, а производство колеблется. Но есть и молодые мастера уже готовые. Есть у нас Михаэль Люк, багетчиком утверждены, и институте учится, а совсем еще молод. Вот у него хватает терпения пробные выпечки. А кто пробные программы — считай, диплом кондитера в кармане.

— Но и терпения и работоспособности, наверное, маловато?

— Обязательно у кондитера должен быть гармоничный дух. Всю резко индивидуальный здесь не годится.

— Разве не является рецепты именно для десертмейнингов, неожиданных?

— Вы никогда не пробовали печенья с передом? Для этого нужно приехать в Эстонию под Новый год, когда повсюду пекут национальное печенье. Для него делают ауху — смализывают тесто, говядину, кедровые дамочки, кукурузу, изюминки и десертный перед.

А для того, чтобы положить в печенье перед, нужно обладать решимостью и даже чувством комора, и это вполне в эстонском характере, однако требование гармоничности вкуса остается. Знаете, бывает, композитор напишет песню, ему от нее удовольствие людям несет. Это когда нет у него акустики.

Медальонный, тугодум нам тоже не годится. Очень часто нужно быстро принять решение. Вот было: девочку-ученицу в десять кгмаршрутки крошкичной массой для «картофельных» пирожков. Схватилась за голову, плачет: теперь «картофель» не сделана. Выбросить? Нельзя. Значит, вымыть можно рецепту «Дачного» печенья, проводим легкую термическую обработку «браска», и покупатели облизываются пальчики. Тут, конечно, нужно быть зру-

датом. Не зря кондитеры изучают химию, математику, экономику, технологию производства, таироведение, учет. Еще, я бы сказала, есть у нас предмет — сопротивление материалов. Каждый день в обращении больше сорока продуктов. Нужно знать все их плюсы. Всех может побудить (бывает, например, когда на рынке нет хлеба), чтобы покупка могла подействовать, ходили бы в пирожки с изюмом, а мастер надо всем этим бог — все видят, любую неудачу в пользу обращивает.

Леонид Николаевич говорил о своем деле с удовольствием, с вдохновением даже. Это не мешало ему походить на ремесленника: медленно, с вниманием, изучая каждую деталь. В часах. За спиной его кабинета пахнуло грохочущими печами, в зале кафе сидели нетерпеливые посетители. Никогда не думала, что у кондитеров такой ритм работы. Впрочем, ритм этот человек выбирает сам — по характеру...

Вместо себя Леонид Николаевич оставляет замбом. Замбом — как пакет, в который пакет, открыл ее второй мир. Портреты его тортов. Портреты, known по называнию. Степной его кабинет пахнул грохочущими печами, в зале кафе сидели нетерпеливые посетители. Никогда не думала, что у кондитеров такой ритм работы. Впрочем, ритм этот человек выбирает сам — по характеру...

Каждая галерея тортов. Все разные.

Оформление их, как и все изделия, не mode. Ради красоты, наигранности, а главное — покоряли широкие с пышными украшениями. Обрамляя цветы, завитушки свидетельствовали о возвращении мира, о прочности нового быта. Академики стояли «модерни в мебели и в одежду» выставки барочных стилей, о чём до сих пор сожалеет Леонид Николаевич. Это было красиво. Делали в колоссальном количестве оформление тортов. А вот сам «Комсомольский». Он был подарен Герману Титову, остававшемуся в возрасте от «Гагарина».

«Флагшток» — вот, где чего нет кондитера! — думал я, листая албом. Изысканная фантазия художников. С клубком новых захватов заместительно возвращается Леонид Николаевич.

— Я сейчас думаю: что же нужно кондитеру в первую очередь?

Я удаляюсь от себя. Я-то это только что открыла. Но Леонид Николаевич говорит нечто для меня неожиданное:

— Доброта. Поверьте мне, любой хороший кондитер — добрый человек. В нашем кафе все хорошие мастера, — добавляет он лукаво. — Недобрый ничего вкусного не сочинит. Просто не получится.

Я верю этому седьмому человеческому

тому что он сам бескорыстен. Добр. Рецепты — это не просто «перевод» развития из одной страны в другую. Учимся у Хайнц! Мастер говорит: «Разбей 20 яиц в смесной коммюте, марши!» — а сам кодолова под касторкой. Рукописная книга рецептов лежала в ящике под замком. Леонид Леонидович был рядом. Однажды любознательный ученик спросил книгу у него, и учитель моргнул, сбрасывая с глаз яичные белки под мастерским светом, и сказал: «Ученики изучают и калории «перекусы» на себе».

Леонид Николаевич воспитывает сейчас четвертое поколение учеников. Трижды у него забирали почты все, и он начинал с пустым местом. Нет в Таллине почти ни одного кафе или ресторана, где работают бы ученики Альфреда Кейна.

Ученики вспоминаются и уходят.

— Не жалко ли?

— Для того учителя и учит, чтобы в конце концов стать ненужным ученику. Молодым нужно работать само-

стотельно, иначе никогда силы не наберут... Я вообще больше ориентируюсь на молодежь, — они легко схватывают идею, в них равнодушны нет. Как я вижу, в кондитерии сейчас не очень охотно идут девушки и ребята. Во-первых, работы на кухне. Во-вторых, условия работы в условиях сильных, у нас очень часто тяжело жить. Но с теми, кто к нам приходит, из 15-го ПТУ, например, мы всегда ладим. Самое главное — довести ученика до первой выпечки. У нас работает первая, на каждом шагу ждет неожиданности, тело склоняется к медине, то через скользь бы было. Работа, работа, работа...

Сладкие наставы, девушки имеются в виду, конечно, в смеси. И проживают свою судьбу. Но стоит им сделать удачную выпечку, и если при этом их покидают, то уже от нашего дела не оторвешься. Правда, плаутут у нас нечасто — у нас все-таки больше парней.

У него наверней хотят учиться.

Приятный мастер!

— Леонид Николаевич, как вы считаете, есть у вас соперники?

— Не задумывалась над этим. Популярность зависит от мастерства, а мастеров у нас хватает.

— А есть для вас невозможное в вашем деле?

— Я согласна так сказать: пока невозможно. Присыпаю, есть. Когда я была маленькой, моя мать часто печала необыкновенный торт царским из картофельной муки. Он был хрупкий и нежный. Все в доме ходили на цыпочках, пока ОН сидел в печи. Мы с сестрой всегда прибегали смотреть, как мама доставала этого красавца. Вкус его я и не могу вам передать. Этой ночью готовлю я его, и к сожалению, могу пока этим тортом угощаться. В обычных цеховых печках такой торт выпечь невозможно. Специально для него отчужденный печник сложил мне газовую пещь, хорошую такую печь, но и я пока ничего не получаюсь. Едва-едва драгоценный аромат и торт сникает. Сколько раз уже так было. Если бы я могла как-нибудь вымыть яблоки, охватывает. Подумайте только — то стакан тортов, наивкуснейшие, мы выпекаем, а этот не дается. Нежный такой, карпинский торт...

Многие профессии соревнуются за право быть причисленными к профессии. Многие из этих профессий большинство перебороды люди обижаются. Перебороды люди обижаются на алмазы, и каждый из них имел право на запись в трудовой книжке — «стригатель». Наверняка в каждом плакете был знаток трактатору которому или обиженный зубом, или больным зубом. А как возможна профессия кондитер!

Это было, конечно, так: однажды вечером, когда мужчины за восинами им газет и телевизоры глядели на небо (зарождались астрономии), ворчливая, но добрана женщина лежала на углах ленивцев. Рядом играл в камушки ее мамаша. При взгляде на нее сердце машинально сжалось. Ее мамаша — профессия заслуга. Мама умоляла (ко времени появления кондитеров люди уже умели убывать на цветах), что рос у входа в пекарню. К сожалению, данное изобретение не зарегистрировано в соответствующем государственном комитете, и трудно установить точную дату появления. Но эта профессия и название от многих других, возникших из необходимости, родились из любви. Вот почему владеет ею может только тот, в чьем сердце рядом любви и добра, чья голова полна фантазии и чья воля может соединить все это для ежедневного крохотливого труда.

«...И ВЫЙСЬ СЕРДЦА ВОЗНЕСЕНЫ»

Божидар ТОМОВ

СВОБОДА

На решетах небо распято, Нависают немы бводы. Здесь религию чтут свето, Ту, что гордо зевалась — Свобода.

На угрюмых колоннах низких И на стенах, покрытых сплющью, Жития отцов-коммунистов В гневных надписях:

«Смерть фашизму!»

Мы пришли преклонить колени И почтить Болгарское наэ. Понимаем: такие кельи Не для каждого достоинства.

Мир светлых и безгрешных видимых, Он веками по библии учится. Но, мне кажется, бог звездуют Этот вот бесприимерной участи.

Николай ДОБРОНРАБОВ

• • •
Я помню пионерские походы и лес от солнца ряжего — рабой...
Мы шли, как в бой, за простижной
за беспощадной Сенянинской трубой.

Мычак в сухом осинине коровы, Но гори горланы, в перекрестья, и плавленым пожара мирового сияют щеки Сенянин-Трубача!

Куда уных Сенянинский горун! Черепом репродукторы вокруг. Господствует бесспорно и мажино усиленный динамиками звук.

Подстрижены газоны под гребенку, седой вахтер не дреает у ворот. Сигнал трубы,

записанный на плёнки,

...Гусеники, словно тронутые пылью, воспоминанием детства... Но порой палаты тех брезентовые крыши вдруг снова встрепенутся над мной.

Болгаро-советский клуб молодой творческой интеллигентии был создан три года назад. Эта новая форма разыгрывающихся, крепнущих связей между Димитровским союзом молодежи и Ленинским комсомолом предполагает дружеские встречи между творческой интеллигентией двух стран, широкое знакомство с жизнью и культурой советского и болгарского народов, творческие дискуссии по важнейшим вопросам современности.

И нет сомнений, что плодотворное сотрудничество будет крепнуть и вперед. Позади уже шесть заседаний клуба (три — в нашей стране, три — в болгарской столице). Встречи, эпизодически, дружеские споры, обмен мнениями. В Болгаро-советском клубе представлены почти все жанры и виды искусства: кино, живопись, театр, музыка, проза, поэзия, критика... Особенно плодотворна деятельность лите-

ратурной секции клуба. В этом году одновременно в Москве, в издательстве ЦДС ВЛКСМ «Молодая гвардия», в издательстве «Болгария» выходит сборник «Шипак», в котором будут представлены произведения молодых советских и болгарских прозаиков и поэтов — членов клуба.

Сегодня в гостях у журнала «Смена» молодые болгарские поэты.

Георгий СВЕЖИН

СТРАНИЦЫ БОРЬБЫ

Четыре древних стены, склонившиеся старину учебника, на которую мир я учил.
Четыре вечных стены, четыре извечных границы, о которых молчили.
Не золоченым первом скрепленная пышная картина, а келья глупца,
в которой лежала сердца стук.
Ногами скоблены эти стены, кровью запеченные заряды, они из юзких уши, но навечно остались тут...

Стена — север:
«Я умирал. Мне двадцать лет.
Процай же! Другой мой белый!»
Это было последний привет того, кто пал
за правое дело.

Стена — восток:
«Черное море, прощаюсь с тобой!
Не заплатила я совести чистой.
Здесь в полуночке простор голубой
плескаются в глазах
дорка-ремиста».

¹ Ремист — член Рабочего союза молодежи.

Стена — запад:
«Я болгарин,
из селения бедного.
Отряд мой!
Мама, прости меня!»
В строки эти
вместились все думы последние.
И нет под ними ни даты,
ни имени.

Стена — юг:
«Как мечтал я увидеть родимое Белое море¹,
но в жестоком сражении перенесли зло.
Пусть же Родина милая не знает лишений и горя.
Тяжко жити, зато умираю светло...»

Четыре низки стены
прямо в звездное небо глядят,
четыре мрачные стены,
но исходят от них,
лучезария,
четыре молчаливые стены,
в которых легенды гудят,
и меж стен этих велич —
Болгария!

¹ Белое море — древнее название Егейского моря.

Христо ЧЕРНЯЕВ

Ты раскрываешься, словно цвет
На албоне или на груше.
Смотри — опять пльвут в рассвет
Деревень солнечные души.

Птиц голопистая семья
Простору голубому рада.
И гимном весеннего обряда
Наполнены ты и я.

Свободу белую цветов
Мы пьем, от радости хмелся,

Еще и думать не умея
О знойной тяжести плодов.

Мы так легко привлекаем внешность,
Судьба которой коротка.
А где-то там замата вечность
В подушку хрупкого цветка.

Сумей в цвету себя раскрыть
И облети пурпурную рану,
Успев собою разбудить
В сердцах упрямый дух познанья.

Мы все извяны землей.
Пред нею даже стала нелепа.
Она раскатывает золон
Перед высокой силой хлеба.

Дожди ударят по лицу,
Ударили мы в травы и колосья,
И даже в сладкую пыльцу,
Что пчелы по полям разносят.

Уочки солнцем расшиты,
Мелом сверкают они.
Сладкие теми сашинта
Падают на плетени.

Как обана, клюбятся
Эхиние кроны щаний,
Прячут густую розмарин
Легкие птицы гнездца.

Ветер парит над ними,
Смотрит винт с высоты.
И все в направляемые нивы
Ведут по земле следы.

Злее торжествует работа,
По почв встает пищеник.
И струки горячего пота
Избороздили лица...

Но мы и небом рождены —
Оно, как крылья за плечами,
И вьмы серда винесены,
Насквозь пробитые лучами.

Ручья стремительный разбег.
И облака седая пена...
Уходит в вечность человек.
И все же тленное — нотленно.

Давно уже нету с ними
Меня на жатве и севе.
Давно забыты другие
Влекут в землю на север.

И все же я помнишь буду
Родину холмы, поля.
А если что-то забуду —
Ты же простишь, земля!

Но вас —
В солнце одетье,
С кувшинами на стене,
Прошу вас, домники
Солнце светлы,

Помните обо мне.
Перевод с болгарского
Геннадий СЕРЕБРЯКОВ.

АПРЕЛЬСКОЕ

В старой, пахнущей хвойей
родительской спальне
сильный ветер, проснувшись, то шумел, то стихал.
Я отходил, из леса,
вам направил посланье
в самых нежных, подснежных стихах.
Я писью сончий виц.

[все цвета ее спектра были моей заветеной].
И для вас я накинул
сонца риющую марку
на зеленый конверт весны.
В вашем городе дымком,
я прошу не сердиться,
если чуть старомоден
и от счастья смешен,
в это раннее утро
к вам в окна постучится
в черном кителе
грач-почтальон.

Овации Колумбам достаются,
цветами
всех
не жалуют подряд...
Рекламные листающие блюзца
вздогону
личину за первыми летят.
Чертовски привычные детали:
палаточный таинственный интерьер...
О, сколько
только вспомнили,
справляли
целинных и строительных премьер!
... Еще все было
вроде как начальное,
еще шли поезда со всех сторон,
и ехали в них те,
что не попали
в парадный,
самый первый эшелон.
А время буя праздничные стерло,
торжественные гимны не довели...
И первым
исчезли репортеры.
Ушло украдкой
северное лето.

Гитарный цех тихонько разбегался,
чтоб к новым начинаниям поспеть,

а кто-то неэффективный
оставался
работать, оставался
чертыхаться и стареть.
Те первые, лихие те
украли
их песни, их девичонок,
их почет...
Зато теперь
надеялись, без аварий
по ЕЗПам ток промышленный течет.
Они уже не руяты к новым высотам,
оттюдь не привлекателен их вид,
и солнце сатирическое лысни
призываю
в репортажах не горит.
Солидные мужчины, не мальчишки,
сидят в сердце
бескорыстные сберегли,
и память поимые сберхники
хранят их звонкой юности рубли...
Все верно.
Есть и фронт и край
передний,
дома
и читаются с лица...
Но есть

святое Мужество Последних,
испивших эту чашу до конца.

РОД

Александр ЕГОРОВ,
Мирослав МУРАЗОВ
(фото)

Начнем с количественных характеристик. Ныне род студенческий насчитывает у нас в стране четыре с половиной миллиона человек и год давает прирост в сотни тысяч душ.

Прирост, так сказать, инвестиционный: студенты не рожают студентов, а (бытьет!) производят на свет все тех же грудных младенцев, что и остальные слоны населения. Более того, с точки зрения узкого физиолога, студенческий прирост имеет природу едва ли не иррациональную. Студентов плюdit наука, умственные интересы общества, такая неуловимая инстанция, как... будущее. Но, оказывается, что все эти интересы и будущее требуют этических юношей и девушек. Длинноногих, к морю горячих, и застенчивых, способных и не очень, поглощающих реалийнейшие эльбрусы винегрета и байкалы жидкого чаю студентов.

И нет ничего естественней такого

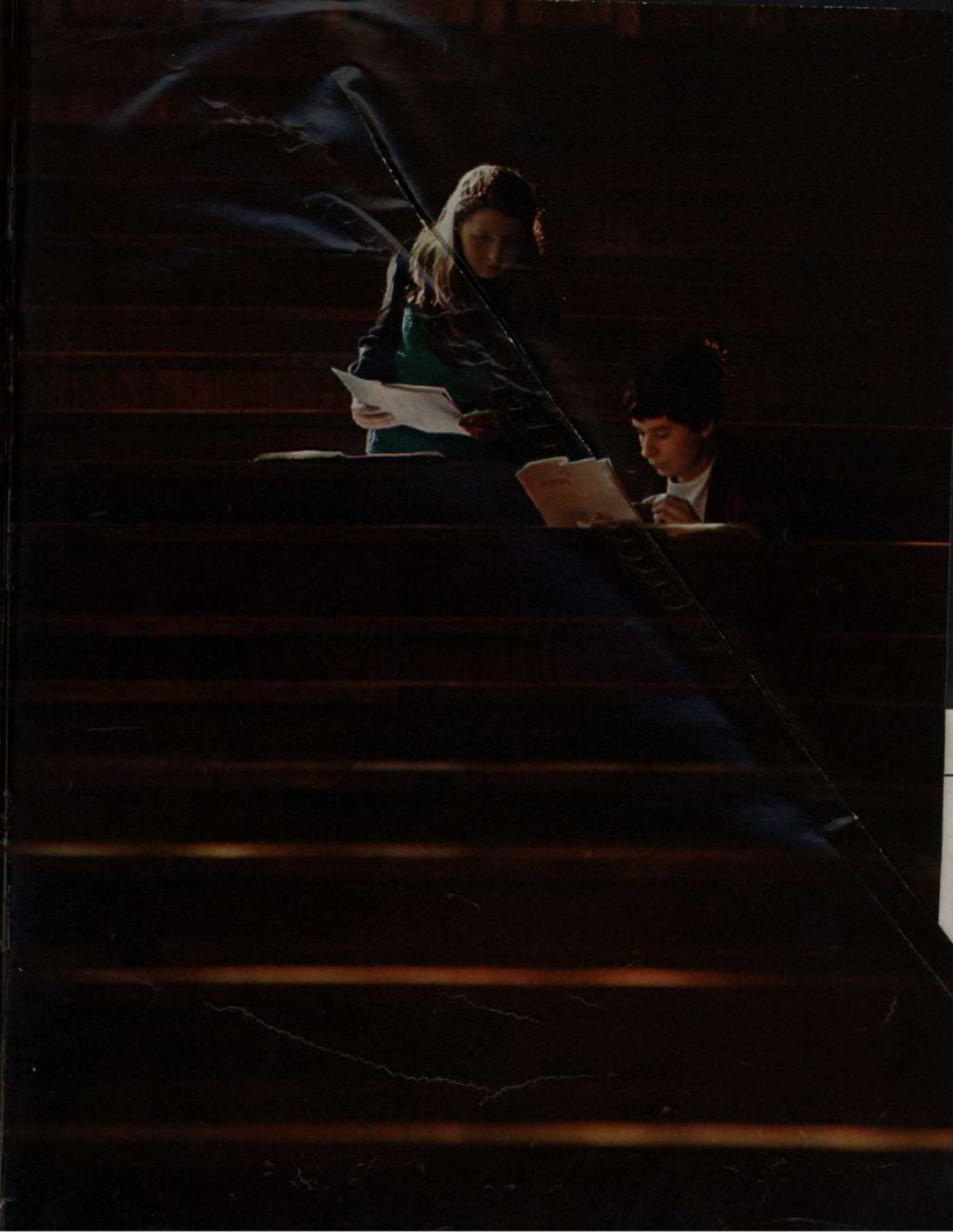
СТУДЕНЧЕСКИЙ

СТУДЕНЧЕСКИЙ
СЕНТЯБРЬ...

ОН НЕМОЛОД,
ПРОФЕССОР,
НО БЕЗ НЕГО НЕМЫСЛИМ
РОД СТУДЕНЧЕСКИЙ.

ЛЕКЦИЯ ОКОНЧИЛАСЬ.
УЧЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

прироста в обществе, всерьез планирующем будущее. Страна на время как бы отторгает от своего живого тела миллионы самых молодых и быстрых умов: учитеся! Учитесь, чтобы вернуть время, отторгнутое из вас.

В этом смысле род студенческий — род балованный.

Как в многодетной семье, Петро пасут коров и передают с одного плеча на другое братин зипуны. Шестому спрашивают обувь и книжки, шлют в город сало и маткины гироги с сыром. Шестого высматривают у оконных в каменных блоках сплавают, в рот подают горячие борщевые блюда. Хорошо, якобы он, как Женя Базаров всячески минуты норовят в эти вакации потрошить лягушек и ображать экспедиции за головастиком. Горько, если он только шалопай, нахватав-

ших и гамлетовских вопросов к бытию начинается студент — «старающийся, изучающий» (по буквальному смыслу латинского слова). А прогулки — что же прогулки? — лишь аккомпанемент, исторгаемый моложавым. Да, кстати,принимали и еще один (до сих пор не весть студенчества — гиппократовский, французский). Высоколобый Аристотель преподавал начала философии своим ученикам на прогулках, отталкиваясь живою мыслью от изменчивых ассоциаций, рожденных природой. Стоит ли говорить, что было главным в этих прогулках, в этой, увы, утраченной «форме высшего образования»?

На этом нас поймают завзятые трошки, так и чувствуючи: «Вот видите, греки рационально организовали учебный процесс, физически

ЛЕТОМ СТУДЕНТЫ СТРОЯТ. И, ЧЕСТНОЕ СЛОВО, ЭТО У НИХ ХОРОШО ПОЛУЧАЕТСЯ.

ОХ, УЖ ЭТА ТЯЖЕСТЬ ЗНАНИЯ...
НО ВЕДЬ ТРУДНО В УЧЕНИИ,
ЛЕГКО В РАБОТЕ.

шился склонный на латинский манер. Поминеи! «лошаденду» славлен дус с констенциями.

Разумеется, что «сравнение не доказательство». Но пока не стало реальностю общество, стервившее грань между умственным и физическим трудом, дело общественной совести студента — помнить, что за его плечами — не только десяток столичных достойных кандидатов в науки, отторгнутые для школения ума. Прежде всего, ради всего — для учения.

А род балованный [бывал] склонен считать дарование неотъемлемым. Минут порох вступительных, и уже не дышат в затылок конкурсантам, и рука сама тянется к ликому гитарному перебору:

«От Евы и Адама
Посел народ упрямый,
Студентов неслыхимый народ...»

И далее про развеселые прогулки Адама с нашей прародительницей и то, про как баго его стиленд лягши. Пожалуй, только одна историческая акция первой студентки вышла из веселой песенки. То, что Ева вынесла плод Древа Познания. Здесь поневоле прибегаешь к прописным буквам, чтобы не синизить никак знания акции, С Познания, с фаустов-

не обременяли студентов». Что ж, вернемся к Еве и Адаму, икона кое-чему у золотого человеческого детства. Даже поток современной лавиной нарастающей научной информации можно упорядочить, объединить в усвоимые блоки, предоставить массы второстепенного справочникам и запоминающим устройствам. Иных из современных Аристотелей там и делают.

Потом, конечно, одно же, предположить, что и среди первоклассников нашлись наверняка ослабленные, брюзжавшие слади: «Такой тогу за этим хрычом. Пятый час залывается: «Следует предпочитать невозможное вероятному, но маловероятному», Ахиллеса. Сидеть бы лучше в аудитории, поняться укудино Аристофана...» Были недостатки в движении учебного процесса. Но, право же, процесс на то и процесс, чтобы предлагать активную реакцию хотя бы двух сторон, субъектов, индивидуумов. Трепетный огонь Истины изматывал и иссушен Виссариона Белинского, Александра Герцена, Николая Добролюбова. И это не просто патетико, а, если хотите, чуть старомодное, но непреходящее выражение сути студенческих лет. Лек-

**ЧТО ТОЛЬКО НЕ ОБСУЖДАЕТ СТУДЕНТ НА ДОСУГЕ:
И ШАХМАТЫ, И МУДРОСТЬ ДЕЛЬФИНОВ, И ТЕОРИИ ЛАНДАУ.
ЭТОМУ РОДУ ВСЕ ИНТЕРЕСНО...**

ции Тимофея Грановского, блестящие по оснащению и окрашенные добром, остались бы просто эпизодом в университетских летописях. Но они нашли страстный ответный порыв к истине, породили тысячи разночинных мальчиков — и стали эталоном русской общественной борьбы.

Ответное, вопрошающее, свое. Текущий единственный путь в активном обучении, познании. С уможением когорт рода студенческого, с неизбежным нивелировкой, стандартизацией в процессе такого масштабного обучения, с тем, что всегда шло параллельно подающим обучающие машины, телевизионные центры, магнитофоны обезличника, — со этим усложняется рождение своего порыва к знанию. Но — хвалы самому студенчеству! — оно первым осознало это противоречие и плодотворно идет его разрешение.

Мы хотим сказать, что наука в языке общества стала прямой производительной силой. Нечестно решаться распространить эту совершенную спрavedливую формулу за пределы круга признанных академиков, кандидатов и «энгэсов». А разве студент не занимается тою же наукой, пусть и стоя только у ее под-

ножия? Да, занимается. Стало быть, даже элементарная запись «лабораторки» может быть, должна стать! — не просто нудным часом в зубрежке, а частичкой развернутого, нужного научного поиска, имеющего даже экономический смысл. «УИРС» — учебно-исследовательский центр, работа студенческой системы обучения и одновременного приобщения к науке, как к той самой прямой производительной силе. Это придумали и это делают студенты Томского политехнического института под прическом и руководством своих профессоров.

Тем же путем или знаменитыми «соловьевскими» фразами, воспроизведенными в студенческой скамье новые идеи в судостроении и оставшиеся после выпуска на дно сложенной группой инженеров-энтузиастов. Со студенческих лет начинали конструкторы остроумной динамической установки и призменного спортивного самолета; в тех же годах надо искать и разработать соответствующие проекты, расшифровать экспериментальные, предложенные многими и многими. Характерно, что, начинавшись с энтузиастов, этот путь все более тяготел к объединению, к системе. Московский «Прометей», тот же томский «УИРС», организация ленинградских политехников, сибирские научные студенче-

ские конференции, наконец, всесоюзный конкурс студенческих работ по общественным наукам с 100-летием со дня рождения В. И. Ленина, конкурс, раскачавший тысячи гуманитарных.

Разумеется, взрослеет, ответственный склоняется к новой чести в семье. Хорошо, что есть здесь сыновья благодарности и благородство: можно и отторгнутое тело время уже в вузе возвращать по частям. Однако же ни одним меркантильным соображением здесь надо не принять.

Однажды из сибирских молодежных клубов рассказывают интересную штуку. В его уставе было около двух десятков прилагательных с корнем «нашем есом». Примерно так: «организация самодельная, самоуправляющаяся, саморазвивающаяся, самостоятельная, самораспускающаяся, самочтотчная». П продолжайте зоркий перебор, и вы найдете громадное количество терминов, связанных с есомом.

Ленинская мысль о том, что только социализм открывает неизбримое потирание самодельности, реализуется в практике и такого, казалось бы, искони замкнутого рода, как род студенческий. Смелый выход к жизни, соединение познания с производительным трудом, экспе-

римент в поиске не только научном, но и социальном — это нужнейшее общество дело. Определяющий этап в становлении человека, способногодумать, хотеть, сметь». А дальше уж синхрофазotronный разбег золотых медальонов есома образует совершенно точно цепочку рабоцию: делатели, самостоятельно нечто решают, встают перед новыми и новыми вопросами, неизбежно порожденными его самодельностью.

Рано еще говорить о всеохватывающем этом процессе, но самое время, чтобы подвести итоги этого, возникшего во всей стране. Открытие Страго говоря, нет. Еще семьдесят три года назад Ленин писал о соединении обучения с производительным трудом, как о деле, давне ясном марксистам. Подчеркивал, что это является «исловием всегообщего и всестороннего человеческого развития». Симметричные явления массового высшего обучения несколько отодвинули в тень эту сторону дела. Но снова и снова выходит она на свет в сегодняшнем поиске нашего студенчества. По-новому оснащенной и подготовленной.

Двадцать и тридцать лет назад мы еще не готовы были заключить нау-

ку по разряду прямой производительной силы. Расходовать же силы студенчества в труде прямо физическом вряд ли было разумно (речь не идет об эпизодах: воскресниках, уборке, самообслуживании). Толко мощное поступательное движение инноваций, развитие технического прогресса, подняли аудиторию к новой роли. И эта ее сущность, несомненно, уже роль позволяет насыщать годы студенческие прямым участием в производительном труде. Хозрасчетном, реальном, отдачу ко-

и скрупулезно реставрировать, памятники зодчества на Савере. Не будем упрощать дела, вращавшего в орбиту свою тысячи очень разных особей рода. Слышили ли вы о единичных отрядах? Сколачиваются они сами собой, по слову, напоминающему нравы дворового футбола («Ваську — в ворота. Прыгуч!». Хлопцы — один к одному, хоть туда, с топором и мастерком. И это тоже студенческий отряд, по поводу которого стоит сказать несколько слов.

**РОД СТУДЕНЧЕСКИЙ
МНОГОНАЦИОНАЛЕН.
В СССР УЧИТСЯ ЧУТЬ ЛИ
НЕ ВСЕЙ МИР...**

**ДВЕРЬ В ЭКЗАМЕН...
А ВОТ В УДАЧУ ЛИ,
ЗАВИСИТ ТОЛЬКО
ОТ САМОГО ВХОДЯЩЕГО.**

**БИБЛИОТЕКА —
МЕСТО ТИШИНЫ
И СОСРЕДОТОЧЕННОСТИ.**

того можно увидеть, еще не получив и заветного «плоппака» на лацкан. Думается, что счастливые условия эти завтра станут диктовать всю атмосферу вуза. Голубой первокурсник и парень ощутят серьезность и строгость студенческой самодельной лекции, а студентка — практическую научную — она же практическая тема. Вспомнет род, сегодня еще удручающий никогда верхоглядством и инфантальностью.

Да и разве всю картину возрастющей социальной, личной, сыновней ответственности студента мы оглаждали?

«Социальный»спектакль. Сотни тысяч в ликах юнгштурмовиков на брючках разъезжали по всей стране, чтобы строить коровники в целине и буревые в Тюмени, восстанавливать аулы в дагестанских горах

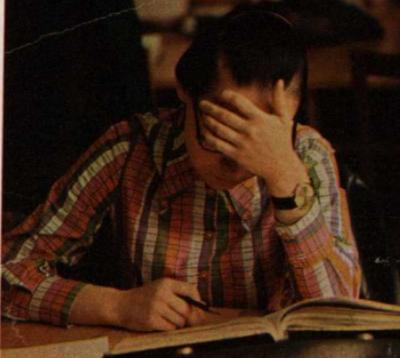
Спрос рождает предложение, и парни, вкладывавшие лето напролет без водки и праздной скучи, не лягут в рубрику «Отщепенец».

Больше того. В отряде, благословленном в путь вся и всеми, бывает, что наряд, выгодно или невыгодно выглядящий, становится культом. Недавнее социологическое исследование, проведенное по инициативе Московского горкома ВЛКСМ, четко ответило: деньги — стимул номер два в отряде (на отдельных группах выходит и на первое место). Хенжит ли и здесь? «Латблат» — сокращение ироническое, но ведь не отрицающее же: нужны, прах их побери, пиджаки и демисезонное пальто, моковая курт (скажем, в Томске) и японский купальник (ближе к Краснодару).

И все-таки... Все-таки поют парни

$$X = \begin{pmatrix} 1, 2, 3 \\ 4, 5, 6 \end{pmatrix} \quad (A)$$

$$(e_1, e_2, e_3) \rightarrow \begin{pmatrix} 1 \\ 1 \\ 1 \end{pmatrix}$$

из акробатического отряда про свои незадейчивые летние передряги, а на привее как-то романтически подтаягаются:

О, Томмазо Кампанелла,
Ты вошёл в шафот,
И речи твои звучат
К трону Цезаря падет.

На этот раз хочется даже простить верхоглядство, свалившееся в кучу миру двух великих утопистов. Ибо хорошо романтический гражданский настрой. Этим удальм технарам

важнее всех нарядов, что жили они по прекрасным законам самоуправления, что не спросили директором дядей отца, что же будет с ними. Маленький отряд был коммунарой, шагающей не в райцентре за «политпримем», а в Город Солнца, вслед за великими мыслителями Возрождения.

Песня — отсвет дэва. А рядом — дело, прогоревшее из такого же отряда, решившегося на большой эксперимент. Есть, работают в Тюмени два комсомольских строительных треста, осуществлявшие многие наче-

ла производственной демократии, нового подхода к организации и планированию. Вот пример, когда люди обрашались готовые дела для будущего, уже сегодня — и в сегодняшнем нечто от будущего. Вот пример настоящей социальной ответственности.

Ну, а засим... все, что вы видите на этих фото. Весна и джаз, благоговейная тишина читалки и та тишина, которая исполнена значения лишь для двоих. Все щедро отдано многоголосому и многоликому роду

студенческому. Впрочем, цель этих белых заметок далека от рекламно-зазывной. Кому и без того немножко честолюбиво свойствовало быть счастливой и привлекательной? Идет ей и самая кроха бездумья, дурашливости, озорства. Как только отмерять крохи... И здесь я снова хватаюсь за спасительную частицу «самов», из автономного движения которой рождается чувство личной ответственности за свое обучение, за свою науку, за свою работу — будущую и настоящую.

И ВИДИСЯ ЕМУ
ВДАЛИ ЖИЗНЬ
БЕСКОНЕЧНО
УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ...

ДЖИНН ИЗ ЛАЗУРИ

Александр АБРАМОВ,
Сергей АБРАМОВ

Фантастический роман

«Нам чертовски везет,— думал Кордона, вылезая из воды и отстегивая ласты,— это дурчак загипнотизировано уверенностью в своей безопасности. Ничего не подозревавший часовой, что-то беспечно напевая, медленно прошел мимо. В два прыжка Кордона догнал и сильным, отработанным ударом позавалил его. Постовой не успел даже вскрикнуть!»

— И барраку, быстр!

В доме не спали. В небольшом уютном цирке с амфитеатром стульев и круглым столом на пятачке манежа сидела худенькая белокурая женщина Кордона опять подвигалась, непонятому своему взволнению: демурный — женщина! Что ж, хлоют поубавится: она наверное, и стрелять не умеет.

В другой комнате два полисмена, сидя на застеленных кроватях, играли в карты. Тут же зажгли их автоматы. В глубине комнаты Кордона заметил полуоткрытую дверь, изза которой доносилась чистая музыка. «Радиорубка», — подумал он, — радиста надо убрать в первую очередь, что не успел предупредить Гамильтон. Он посмотрел на часы: три часа ночи. Еще десять минут, и можно вызывать Трэси. Хорошо бы Гамильтон не пришел, но Трэси не удастся: стрелять придется сразу, с порога.

Он дуя и тут сопутствовала Кордоне. Полицейские,бросив карты, забрали автоматы и направились к выходу. «Смена караула», — догадался Кордона, — сами идут к нам в руки». Так и произошло. Полицейских сразу же увлекла вперед очередь прямо из выхода. Выбежавшая на шум радист не успел даже вскрикнуть. Оставалась одна дверь в коридоре. Кордона затаил дыхание, чтобы не стреляли, Кордона поднялся и, набрав в грудь воздуха, врывком открыл ее. Яинна не обернулась. Увлеченная работой, она или не слышала выстрелов, или не обратила внимания, могла подумать: грохот, гром, да и на шумовом фоне разрушающего окна океана вспыхнули прозрачные не туж угрюмо — треск хлопушки, не больно.

Яинна отложила испачканный лист бумаги и обернулась. Сначала она увидела трех человек в костюмах актеров: «Моя любовь! Каждый крик приводил дополнительную охрану?» — Яинна кинула мысль и тут же погасла: слишком красочными были дула направленных на нее автоматов.

— Видимо, я должна поднять руки? — спросила она.

Кордона обаятельно улыбнулся и опустил автомат: эффект не получился, девочки была не из смиренных.

— Зачем формальности? — галантно сказал он. — Вы умная девушка, и не станете отнимать у меня оружие, драчиться, кусаться или царапаться?

— Не стану, — согласилась Яинна. — Но вы забыли о Селесте.

— Это он забыл вас. Почему он не поменял машин людям устроить радиостанции, полицейских и держать в прицеле симпатичную женщину? Кстати, как зовут эту женщину?

— А вам не все равно? — пожала плечами Яинна.

Кордона опешил. «Так ему и надо», — подумала Яинна. — не любезничать же с этой галантной гидиной. Но почему не реагирует Селеста — только его вменяемство могло бы остановить наездника? — в своем обучении он рассматривает этот шаг как новый урок, в котором еще раз проверяются параметры добра и зла? Какая информация попадается ему сейчас? Интиграция обреченней?»

За окном зашумели голоса, чей-то смех, потом нестройный гом в дежурку, и на пороге зала в светлом прямоугольнике двери появился Траски.

Продолжение. Начало в №№ 13—16.

— Добрый вечер, мисс,— сдержанно поклонился он.— Вернее, добрая ночь. Простите, что мы ворвались к вам без приглашения, но поверьте, я бы не рискнул поступить столь бесстыженно, если бы не терпящее отлагательства дело.

— Что вам угодно? — отчеканила Яинна и отодвинулась.— Я задала тот же вопрос этой пародии Бонда, и она небрежно кинула в столовую почтенный отступившим Кордоном, — но он загадочно промолчал. Вероятно, об этом нужно спросить у вас.

Траски замерз, как дернулся при этих словах Кордона, и усмехнулся: девочка с норовом.

— Вы зададите Селесте пять или шесть вопросов. Ну, может быть, шесть или семь. Согласитесь, что это пустое. Да и вопросы совсем обходимые. Разрешите, я наложу их письменно. Вам это будет только прочтено, даже не услышано. И ваша совесть будет чиста, как этот лист бумаги... — Он приподнял к себе пачку чистых листов бумаги и воссиял золотой синопсикой.

Яинна молча следила за движениями Траски. Пусть пишет. Актёр. Фантомас в маске первого лорда адмиралтейства на приеме у королевы. Отлично понимает, что без королевы ему не обойтись. А королева наверняка отклонит пропозицию. И тогда он снимет маску. Интересно, будет ли странно?

Яинна дрожко прикрыла рукой лицо бумаги, на которую Траски выводил свой первый вопрос.

Однако Траски, видимо, вдруг проснувшись школьница, любознательная посмеялась над мальчишками из своего класса. — Почему это вы решили, что я такая послушная?

Траски отложил авторучку и снисходительно улыбнулся:

— Потому что рассчитывая на ваш здравый смысл.

— Объясните...

— Что, по-вашему, выходит: десять тысяч долларов и пять минут салонной беседы или бесплатные похоронки?

— Не я убрью голову.

— Это — это реальность. В математике это, кажется, называется выбором оптимального варианта. Вот и выбирайте, что вам больше нравится.

— Я уже выбирала.

— Чем? — или наличными?

— Не надейтесь: не говорюмы.

Не реагируя на реплику Яинны, Траски взглянула на часы.

— Даю на размышление пять минут. Подумайте. Жизнь, девушка, дорогая штука, — не стоит откладывать ее из-за пустяка... — Он подозвал Джинну. — Проводите даму в соседнюю комнату и позабытесь о том, чтобы она не скучала.

Джинно вразвалочку подошел к Яинне — руки в карманах, ленивый прищур глаз, сигарета в роту — и вдруг резким движением вышиб из-под девушки стул. Неожиданная нападка, Яинна упала на пол. Всё дальнейшее не заняло и минуты: после чего Джинно отскочил и вытолкнул, после чего руки и звук пощечин — один, потом другой, после чего Джинно отскочил и вытолкнул, после чего руки и звук пощечин — один, потом другой, после чего руки и звук пощечин — один, — а над Яинной уже склонились головы с серым ежиком, и сильные руки помогли ей подняться.

Пронюк пропенена. Недоглядел. В дальнейшем, если договоримся, никакой будет нападок, — с язвительными словами, поддерхизав девушки под локоть. Траски провел ее в радиорубку и усадил на место радиста. — Отдыхайтесь дамите, а через пять минут я к вам пришлю услугу.

Пять минут или час — какая разница? Даже под дулом автомата она не станет помогать налетчикам... А хватит ли у нее храбрости? Да и за что умирать? Мельком брошенный взгляд на

реацию рождал мысль: а зару?.. Есть еще пять минут. За пять минут можно что-то сделать, что-то успеть. Неосторожность Траски, не претендующая на то, что Яинна умеет работать на радио — а она научилась этому во время ночных дежурств на острове, — давала возможность опередить охранников и вызвать полицейское управление Коркилла, если только бандиты не отключили радио.

Яинна опустилась на стул. Для радиоуправления автобиблиотеки она, конечно, пользовалась компьютером, а изображение на экране было ясным. На Яинну он не смотрел — вероятно, стыдился позиции. Пистолет он положил на колени, позади в карманах за сигаретами, склонил зажигалкой, наклонился над языком пламени. Пора!

Стараясь не скрипнуть стулом, не делать лишних движений, она дотянулась до кнопки с надписью «Помощь» и схватила микрофон, крикнула первое, что пришло в голову:

— Анджелик, спорят!

Закончить она не успела. Обезьяны пальцы Джинно сдвинули ей горло, перерезав глотку, смысли разноцветные огоньки и погасли. Но возникла сейчас же вернулось, словно кто-то, склонив клаузиевский радиоконструктора, впустил в комнату чужие реальные голоса.

— Как вам себя чувствуете? — наклонился к ней Траски. — Надеюсь, Джинно не повредил вам горло. Говорить сможете? Вы же сама виновата. Задолжала же я, мелодрама? Анджелик, Эджик! Все равно бесполезно, — отключена.

— Врешь, — подумала Яинна, но промолчала. — Пусть считает, что я поверила.

Радист Коркилла, паверен, уже позовется Смайлзом, и через полчаса-две Гослов с полицейским будет на острове. Только бы притянуть время, смыть любой спектакль, лишь бы не додогадались, не заподозрили. Она истекла, и не обращая внимания на разнующихся в ней охранников, решительно шагнула к старику в синем ситеете.

— Я готова связать вас с Селестой, — сказала она. — У меня нет выхода.

Траски поклонилась, задыхнувшись.

Я был уверен, что не удастся убедить радиоуправление на острове действовать нет, кроме согласия на мое предложение. Рад за вас... Он вынул чековую книжку, оторвал страницу и протянул Яинне. — Вот чек на обещанные вам десять тысяч.

— О дьяволе потом, — отмахнулась Яинна. — Не удивляйтесь, если будут сложности, — предупредила она. — Селеста не телефонный абонент.

— Я ничего не читаю от сложностей. Вызываите его, как это обычно делается.

— Видите ли, Яинна, тщательно побирала слова, — вы не специалист, вам будто трудно понять. Следите за тем, что это электронное устройство, которое постоянно подвергается опасности, чтобы получить нужную информацию. Каждую секунду в колпаку к нему постукивает со всего света информация разной степени важности, и степенью это определяет он сам, производя отбор, кодирование и коррелиацию поступивших сведений. Это основная, запрограммированная функция Селести.

— Зачем эта лекция? — нетерпеливо перебил Траски. — Он собирает информацию? Так она мне и нужно.

— Но получить ее не так уж просто, — терпеливо отвечала Яинна. — Селеста выходит на связь не часто и по своей инициативе. Связь эта всегда внезапна, кратковременна и энергоемка. Ну, как бы вам это понятьте объяснить? — Она нервно хрустнула пальцами. — Вы знакомы с устройством автомобилей? Тогда вы знаете, что такое аккумулятор. Если он не заряжен, маши-

на мертвата. Так и Селеста. Получив вызов от человека, он аккумулирует энергию, необходимую для связи. Мы не знаем, что это за энергия: на przykład ее не получим извне. Но замечено, что приемники в машине проходят неравномерно. Иногда — сразу, иногда — ждешь.

Ну, я машинальный скрой?

Янни заглянула на часы: «вертолеты, пожалуй, уже вышли к острову». Через полчаса они будут здесь. Стоит начинать минут десять для верности.

— Минут сорок, а то и больше, — сказала она. Троски недорогие, но надежные.

— А вам нечего заработать?

— А как же! — смысл мне вас дурочить? Вы рисуете только провалом операции, а я живлю. Бред ли вы оставите меня в живых, если через сорок минут Селеста не выйдет на связь.

Троски непрерывно огибаются и поймал ободряющий взгляд Корхиля: соглашайтесь, шеф, другого выхода нет.

Хорошо. — Троски щелкнули пальцами, и две автоматических птицы кинулись в девушку. — Я даю вам время, но не секунды больше. И не хватит моего обмануть.

Под конвоем автоматчиков Янни прошла в конференц-зал, села на место «священного», пристально уперлась ладонями в подлокотники, закрыла глаза, вслушиваясь в четкое тиканье ручных часов, подаренных Рословым («Чтобы не опаздывать на свидания»).

Что же, сегодня она занялась на свидание с Рословым, на самом раннем сроке, но ведь могли же не получить обратимой радиограммы Янни и не знать о том, что она его ждет. Впрочем, почему-то верилось, что он все-таки знает. Она вспомнила душную ночь, чуть слышный широкий океанический прибор и голос Андрея, читающего чьи-то авенюные строки: «Ново-е ми, позови меня, если встретишь на плечи беды...»

А беда стояла за спиной Янни с коротковолновыми автоматами в руках, беда ждала своего срока.

...И проигрывают

Рослов ногасил сигарету и поднес ее к Смайлам, передаваясь ему последний вопрос: «Лайфа». Он хотел что-то сказать ему, но задумался.

— Ночь тоже — тревожная, и Яна там одна.

Мало ли что может случиться?

— А что? — скептически отозвалась Смайл, разглядывая собственную цветную фотографию на развороте журнала. — В такую ночь даже темнота не подхватывает. Ей обзорная решка телескопичного звонка.

Не вставая, он потянулся до аппарата.

— Смайл слушает. Корхикиль, что? Он принял трубку и выслушал Рослову: — Радиограмма с острова. — И опять в телефон. Повторяя еще раз. Так. И больше ничего? Странно. Да, он здесь. Передаю трубку.

Рослов почти выхватил ее из рук Смайл и услышал изумленный голос Корхикиля.

Онченко спрашивала передача с острова. Только два слова: «Андрей, скорее!»

Кто передал? — закричал Рослов.

Сама мисс Яни. Видимо, с радистом что-то случилось. Мы ее пытаемся вызвать, но радиостанция молчит.

Рослов понял только одно: Янине грозят опасность. Эти две слова были сигналом SOS, и послал был этот сигнал ей, Рослову. Значит, он должен быть с ней.

Минута растерянности прошла. Рослов снова собрал и спокойно вряд ли кто мог догадаться какого напряжения стояло ему это спокойствие.

— Слушайте меня, Корхикиль. — Рослов не говорил, он отдавал приказы. — Подготовьте два вертолета и двадцать польских с полным вооружением.

— Это что? — удивился Корхикиль, но Рослов уже повернулся к Смайлам: — Твой новый катер не месте?

— Конечно. Где же ему быть?

— За сколько добьем до острова?

— За час примерно.

— А на предельном режиме?

— Минут за сорок. Не дольше, чем на вертолете.

— Это и не нам, Корхикиль. — Рослов снова говорил в телефонную трубку: — Через десять минут мы с Богом Смайл вылезаем на остров. Тревога может быть ложной, и не стоит вызы-

вать пожарных, пока еще нет пожара. Но если еще через сорок минут вы не услышите меня с острова, поднимите вертолет немедленно.

Хорошо. — Корхикиль даже не пытался спорить. Волнение Рослову передалось и ему. — Я засекаю время: через пятьдесят минут общая тревога.

Рослов шмыгнул трубку на рябах и бросился в выход. Через несколько минут бешеной езды они затормозили у причала, где волны покачивали из стороны в сторону Смайл, оснащенные новыми польскими двигателями.

Смайл сразу же был полный шаг. Катер прыгнул вперед и, высоко задрав нос, рванул в ночь мимо габаритных огней каторов и яхт, мимо скучно освещенного побережья, далеко выдвигнувшись в океан. На приборной доске светились компас, спидометр со стрелкой и часы-хронометр, мигнувшая стрелка которых казалась Рослову часовской: нетерпение замедлил ход времени.

Смайл знал свой катер и точно рассчитал время. Ронко через сорок минут, прокрутив днигатели, он ввел его в бухту, где отыскала ее в темноте: проектор почему-то не горел. Рослов послышал на берегу и тут же услыхал, споткнувшись о что-то мягкое и неподвижное. Фонарик Смайл выхватил из темноты черный полизиэлевый кумир и большое кровное пятно на белом кордона.

— Ножом в спину... — Смайл повел фонариком по берегу бухты и заметил плюхнувшийся на берегу кумир. — Кто? — — не спросил Рослов.

Гости. Видите, часового убийца? А пуха посетить... — Смайл передал фонарик Рослову, спустился к плюхнувшемуся на воду кумиру и в воду... — Обратите внимание на ладони: придется гресть, — тихонько высыпалась он, вернувшись на берег.

Рослов отметил про себя: если здесь вельзкая плюхна, то, значит, где-то поблизости базовое судно. До острова на велзах даже из Гамилтона не добирал. Но он тут же забыл об этом: внимание отвлекли три освещенных окна в конференц-зале. Там была Янни. Рослов сразу увидел ее у стола с магнитофоном, а перед ней — массивного мужчины в синей морской фуфайке. Присущем Смайлам. — Все-таки добралась до Салема.

— До острова, — прошипел сквозь зубы Рослов, — но не Селесты.

— Ты уверен?

— Видишь, оба молчак. И люди у дверей молчат. Всем ждут чего-то. Значит, Селеста еще не откликается. Иначе Янни бы говорила. Помимо, даже губы не шевелились.

— Что будем делать? — спросил Смайл, оглушившийся.

Иного поблизости не было, но в темноте подальше слышались чьи-то ноготные шаги. Кто-то молча прохаживался по склону.

— У тебя есть оружие? — снова спросил Смайл.

— Нет.

— У меня «беретта». Всемир запирдов. Но они тоже будут стрелять. Надо выбрать позицию.

— Погоди, — итерпело оборвал его Рослов, — кажется, я что-то придумал.

Определенного плана у него не было. Одна идея — бредовая, почти неосуществимая, один шаг и ты тысячи...

...В этот момент Троск прервал затянувшееся молчание.

— Сорок минут прошло. Последний раз спрашивала: вы сложите меня с Селестой?

— Нет отклика. Пока не могу. И вряд ли кто сможет.

— Я могу, — сказал Рослов, появившийся в темном прямоголовом двери.

Он увидел распариниша глаза Янни. Что в них? Презрение? Брезгливость? Гнев? Он увидел безразличие, которое было в глазах капитана, удивление, которое было в глазах синего синтера, ленивую усмешку горилодобраного итальянца и агрессивную рожь его соседа, смуглого красавца с квадратной челюстью: сильный характер. Но Рослову было налево и на характер, и на удивление шефа, и на вороненые автоматы. Он начал играть и проигрывать не имел права.

— Я скоту, — повторил он.

— Кто мы? — холодно спросил Троск. — И как вы прошли сквозь?

Рослов усмехнулся открыто и добродушно.

— Такой вопрос умеет задать вам, но и не любопытен. Да и трумы дежурных красноречивее любого ответа. Но мы теряем время. — Он пошел к столу, стараясь не обращать внимания

на автоматные дула, следившие за его передвижением... Вам нужно связаться с Селестой? Я буду вашим транслятором. Не вините девушку: я труднее — меньше опыта, меньше неученных каналов мысленной связи с феноменом. А оно несомненно, ответит на все ваши вопросы, господин Игер-Райт.

Рослов был хорошим актером. А может быть, неожиданностью его появлению настолько ошеломлены были Смайл и Троск, что лишь собственное имя в устах подозрительного неизвестного вызвало Троса из ступорика.

— Сначала вы ответите на мои вопросы.

— Задавайте.

— Идя?

— Рослов. Национальность: русский. Профессия: ученик. Специальность: биокибернетик.

Должность: член научно-исследовательского комитета связи с феноменом. А что еще интересует?

— Откуда вы меня знаете?

— Вы не учитываете зашлой популярности.

— Меня мало кто знает в лицо. Не увидевший.

Потому что вы явились ночью со своим предложением? Вы узнали о нашем пристрастии?

— Нет, конечно. Просто дружеский визит к товарищу на дежурство. У меня даже оружия нет. Ни прибытием на остров мы не занимались злостностью. Несмотря на то что я обожаю злостных и злых — мы судим по оставленным мной следам. О бегстве мы не подумали, хотя вы и сами понимаете, что, не замеченные вами, мы легко могли бы уйти и позвать на помощь патрульный катер. Но, во-первых, оставаться в беде товарища не в наших правилах, а во-вторых мы бы наверняка опоздали, и любые подозрения могли бы нас на острове. Отсюда решение: пытка — девушка от которой вы требуете выполнить дополнительную работу.

— Ты, — проговорил задумчиво Игер-Райт, — пожалуй, я вам верю. Рыцарский порыв. А вы не бояитесь, что, уходя, мы не оставим опасных для нас синидетов?

— Вариант, конечно, возможный, — спокойно согласился Рослов, — но еще я вероятный. Зачем вам множить убийства? Тем более убийства двух — отбрасываем ложную скрепку. Согласно имеющимся значительным уликам также, несомненно, знающие о существовании социальных государств. Международный скандал — международное следствие, в общем, масса неприятностей и хлопот для вас. Стойте. Ты?

— Кто с вами? — не отвечая, спросил Троск.

— Вот Смайл, ваш старый знакомый.

Смайл слышал весь разговор и из соседней комнаты, слушая и недоумевая, то ли Рослов действовал в реальной жизни, то ли Троск по всем правилам и с элементами Смайл подтекстом?

Первое предположение отбрасывалось сразу: Смайл хорошо знал товарища, а вот второе... Какая роль в этой авантюре была у головы Смайл? Как поступил Троск? Но и самому искать ответа на эти вопросы было некогда: Рослов назвал его имя, и вот уже второму актеру предстояла выход на сцену. Он и Троск, в расстегнутой рубашке с бородой, и бородатый Копейкин, которого следовало бы спрятать, и Смайл тотчас же поплыл за спину. Удар охранника в разинивом kostюме аквалистки — и пыль летела где-то упротирокой, а синий — синий — и сам Смайл на полу, в ногах у Троса.

— Я знаю, что ты вернешься к нам, Боб. Ты же извини моих ребят. Пистолет на них действует, как муха на быка.

— Ладно, — буркнул Смайл, вставая. — Только не говори им, что не буравил мое спину автоматами.

Троск слегка знал автоматчиков, и те слова на стены — картины и резиновые тирко, арленице не для слабонервных.

— Пятьдесят минут, — громко сказал Рослов.

Троск не понял.

— Пятьдесят минут назад мы вышли из города, — пояснил Рослов, — а Смайл перевел его на языки Корхикила, уже на пути к острову.

— Но Троск подозрительно нахмурился: не все ли равно, когда они вышли из города? Зачем считать минуты?

— А затем, — слова пояснил Рослов, — что пора уже начинать. За пятьдесят минут встряски на гончом катере человек устает, а усталость может ослабить первое напряжение, необходимое для связи с Селестой. Пусть Смайл уведет девушку в соседнюю комнату, и уберите охранников. А с нами остается кто-нибудь один. Ведь и безоружные.

Неожиданная преграда, Рослов усился на место Янни, ушедшой, так ничем и не попав — ни успокоившегося взгляда Рословы, ни

вежливого лицемерия Смайли. С ними ушел и Джинно. Начиналось самое странное: выйдет или не выйдет, со щитом или на щите? Какая поплость лезет в голову! У в ушах что-то гудит. Как дробь оркестра во время номера воздушных гимнастов. Все постыдятся, они просто боится. И не так уж стыдно бояться, если человек, которому имеет дело, знает, что Троси играет кралевесные картами. Улыбка в начале и пуга в конце разговора. Но, может быть, в силах Рослова отвергнуть эту пурпур?

— Я начиняю, — сказал Рослов и мысленно вызвал Селесту. Тот откликнулся сразу, словно ждал звонка.

«Задача пришла сюда?»

«Чтобы спасти Янину?»

«От кого?»

«От этих людей. Они хотят связаться с тобой».

«Знаю. Она противилась этому. Почему?»

«Трудно в двух словах объяснить тебе разницу между порядочностью и подлостью, добром и злом».

«Ты объясняешь».

«Теоретически. Для тебя это такие же абстракции, как, например, как «бесконечность» или «пустота». Ты не видишь разницы между Троси и Смайли».

«Интеллект Троси выше».

«Возможно. Но для меня простак Смайли всегда предпочтительнее высокоподковленного Троси. Один честен, добр и порядочен, другой лжив, корыстен, пода. Они, по существу, позары. Только несовершенство законов в этой части земного шара обеспечивает безнаказанность их преступлений. Игер-Райдт».

«Это в т о й выбор. Возможен он потому, хотя эмоциональное в нем преобладает над логическим. Но твой беспредметность не предполагает дополнительной проверки. Зачем же ты вызывал меня?»

«Я ставлю эксперимент. Информативный обмен между мной и Троси. Через тебя».

«Я знаю. Троси спрашивает тебя, ты отвечаешь. Я не вмешиваюсь».

«При условии, что я на это время становлюсь тобой. Твоим знанием, твоим видением, твоим правом распоряжаться информацией, твоей реакцией на опасность».

По земным понятиям это было дерзким и рискованным заявлением. Селеста не умел общаться с Рословым, не знал его способов и посчиталось за свою информационную избирательность, как попытку стать еще одним физиограммом на пути информации и ее бездонным хранилищем. Ведя Селесту мог связаться с Троси и минуя сенсорную систему Рослова, если бы счел гангстером объектом, достаточно интересным для информаций. Выбор Селесты должен был стать решающим в их судьбе, в самом их физическом существовании. Селеста, не имея своего решения, не зная, каким образом лучше всего решить проблему своим существом своим, как подсунуть гангстеру, как клобененный еле слышимого «да», ждал и надеялся. И это «да» произвело в мгновенном смещении всей психики Рослова. Он здроутился и все сразу: Троси, напряженно и подозрительно обратившего на него свои стальные глаза; плещущую Янину в соседней комнате, молящуюсяющими людьми-литигусом по коралловому столу; бледную Селесту, перенесенную в прореху окна и цветные точки далеких габаритных сгущий световых ярдов Корнилова. Увидел даже самого себя в катастрофической неподвижности и услыхал свой — не свой голос, однотонный и лишенный окраски, как в плохой магнитной записи:

— Справишь Жду.

Для Корнилова и Троси Рослов исчез, они слышали голос Селесты, но Рослов не утратил собственно «я», он сознавал, что действительно существует Селеста, которая несомненно имела информацию, которая несомненно интересовала Троси. Если бы спросили Рослова, что он видел, он бы описал все, но называть это «увиденным» он бы не мог. Просто он знал об этом, оно стало его информацией, и он лишь из-за отсутствия более точной терминологии мог сказать, что видел не только перегородочный зал и пребывающих в нем, но и далекий бразильский порт, склонившийся к океанским волнистикам на пристань, склонившие лица полубогов с автоматами и плотную стену черных флагманов за ними. Он видел и полуутомленный туман военного корабля, ожидающего отправки в порт назначения, и этот порт, где пока еще никто не ждал корабля с золотом, и заслонявшее все это иничтожного человека в синей морской фуфайке, судьба которого зависела уже не от информации Селесты-Рослова, а от воли Рослова-Селести, и жалок был этот человек с его дутым величием,

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

не супермен без возраста, а старящийся хлюпик с дрожащими от волнения руками.

— Справишься, — повторил Ролос.

— Несколько вопросов... Трэси уже овладел собой, но крайней мере внешне, хотя голос его выдавал внутреннее напряжение. — Со дня на день из некоего бразильского порта отходит судно с грузом золота.

— Знаю, — перебыл его Ролос. — Что тебе интересует?

— День и час прибытия его в Сан-Франциско.

— В пятницу на той неделе. В четыре часа утра.

— Состав концов?

— Двадцать два человека. Из них шестнадцать полицейских.

— Вооружение?

— Автоматы «Смит» и «Бессон». Гранаты со слезоточивым газом. У сопровождающих груз — личное оружие.

— Количество фургонов?

— Три.

— Откуда информация?

— Приказ по управлению полиции штата номер триста семидесятый. Стого секретно.

Ролос говорил придуши. Но было смыслы лгать. Все обнародованная информация должна быть в распоряжении Игер-Райта. Его шаги были ясны: черные не вымрывают. Ролос читает все мысли и внутренне убеждается. Ведь он может усомниться: он же еще и Ролос. Его задача противуточка времени, выиграть какие-нибудь четверть часа. «Задавайте вопросы, шеф. Сколь угодно. Я удовлетворяю всеми любопытством. Любые детали. Ворох информации. Все равно я знаю, как окончится эта авантюра, как зачатие Селесты превратится в грандиозную страшную катастрофу. Всех и вам, покрепчавшим у своих телохранителей, придется забыться о собственной безопасности».

Ролосиков ламин. Став Селестой, он внес в его конспираторскую живые человеческие чувства. Но Селеста занималась ими у Ролоса, а он подарила их Селесте. Было какое-то отличие того, что произошло от того, что произошло у него. И тогда Селеста получила информацию, и ее слово эмоциональный фильтр человека, сейчас сам человек корректировал эту информацию, отдавая ее Селесте уже в готовом, обработанном виде. Он управляет рецепторами Селести, аппаратом его избирательности оценки, суждения и воли к действию, запрограммированных заново в процессе слияния человеческого сознания с восприятием языка и информационной среды.

Но почему это произошло? Что заставило Селесту изменить свой веками проверенный программу, заложенную в ней неизвестно ком, неизвестно где, неизвестно когда? Информационная чистота мысли Ролоса? Его сила воли? Состояние человека, который на короткие минуты подключился к необычайности знаний информации? Ролос не искал ответа. Он знал, что ответ на вопрос, кто спросил, ответа механически точно: главное было позади. А впереди шумели океан, учили подыметь ветер в корабельных рифах, и где-то уже совсем близко в эти привычные звуки врывался ритмичный гул приближающихся вертолетов Корнихиля.

Ни Трэси, ни его люди не слышали этого гула. Их мысли уже подводили к кончику. Трэси исчез.

— Спасибо за информацию. Я узнал все, что нужно.

Ни один мускул не дрогнул на лице Ролоса: он все еще был Селестой и пребывал в каталинской неподвижности животного канала связи. И по-прежнему оставался Ролосом, обыкновенным человеком, который не мог призывать Селесте задержать налетчиков до прибытия полиции. Ни он, ни Трэси не видели, как Ролосом мысли о немецкой опасности, буда включаются защищительное поле, вырашиваемое из руок автоматов, а из карманов — часы и портсигары, знаменитое защитное поле Селесты, о природе которого до хрипоты спорила учченая братия.

Что успел подумать Ролос? Что представил, что вспомнил он в эту секунду — вряд ли он мог потом рассказать? Но решение было принято верно: скрох, языки в соседней комнате,ристолет Корнихиля, сбрасываясь вниз, неспешно, как бы для демонстрации, достал из ящика книжек, метнувшись мимо, склонив охваченный большой ступидой магнитофон глыбами металла, только чудом никого не задевши, и всел — руки обезоруженных автоматачиков, толст ног, а потом тишина и оцепенение — немая сцена из «Ревизора». А посередине — груда сплющившихся автомобилей, кружек и ножей, часов и пуговиц, зажимов и аквалангов.

Решение было верно и своевременно: Селеста принял сигнал опасности и включила защитное поле.

И никто не пытался разрушить, развалить этого огнеподавляющего металлического «ежа». Внимание отвлекло нечто другое, более понятное и опасное: гул приближающихся к острову вертолетов. Кто-то приближался к выходу, к тому, кто замкнулся на него, но он отскочил, удачно изнападавшего ребром ладони по шее, скока увернулся от удара, вырвал в дверь и побежал к берегу с криком:

— Скорее! Сюда!

Он даже не подумал о том, что вертолеты не смогут подойти к острову: защитное поле Селесты стойко выросло на их пути. Но он отвернулся, чтобы не смотреть, как вертолеты поднялись в синий прятег, радиус которой на этот раз был изнанкой, — он не выходил за пределы рафа. — Ролос-Селеста снял защиту. Просто представил ее высадившейся на острове десант — это была мысль Ролоса, и мысль трансформировалась в реакцию Селести, магнитное поле обсыпало свою мертвую хватку. Вертолеты понесли над островом смертельный вихрь, вихрь, где вспыхивали яркие спиралевые языки «Наполеона» на бортах. Из открытых люков, не дождавшись, когда будут опущены трапы, выпрыгивали полицейские с автоматами на пересечку, а два вилючинских на вертолетах прожектора освещали обезоруженных налетчиков, стоявших на входе в «переговорную» и даже не пытавшихся бежать.

Неожиданно в лучевой конуле прожектора появился Игер-Райт, глаза зияли в центре автомобильных фар на лесной дороге, и, петляя, побежал к бухте. Он так хотел, чтобы его не увидели, не успели выстрелить, даах добежать до школы, а там... чего черт не штурт! Но Смайли оказался проворнее, выхватил автомата у полицейского и послал очередь в темноту. Слабый вскрик и глухой звук удачного тела подтверждал, что он не промах.

После этого Селеста, сокрушившая, загонившую бандитов в вертолеты, Смайли вернулся в «переговорную», нащел в распахившейся груде металла свою «беретту» и тихонько, стараясь не шуметь, вышел на остров. Янинна плакала, обнимая Андрея, а тот настолько устал, что почти ничего не чувствовал.

— Почему же не вмешалась Селеста? — воскликнула Янинна. — Я звала его — не отклинулся? Потому? Ведь он же мог предотвратить эту бойню!

— Может быть, он не знал? — задумалась Ролос. — А они знали, что он принимает только стабильную информацию, не оставляют документов, писем, телеграмм, даже пометок в записных книжках. А бандиты старались не думать об этом, гловаривали потихоньку, порознь, по телефону, пытались поменять друг друга с помощью тайных знаков, чтобы не привлечь внимание на себя. Видимо и для Селести настал бы в какой-то степени неожиданный, и он запечатал его, не раздумывая, если можно применить этот термин, запечатал просто, как очередную информацию о поведении человека в определенной ситуации. Но он не остался безразличным. Яна, нет, не остался. И мое вмешательство в эту рамку, в его воли, его формальности, его методы. Паров все-таки начали. Ролос не знал никого фраз, вдруг что-то вспомнил, всхлип. А где Трэси?

Оттолкнувшись Янину, Ролос выбежал из «переговорной», опередил Смайли, тоже рангунувшегося к бухте, и остановился. Со стороны бухты донеслось рычание гончих двигателей, сейчас же превратившееся в ровный, ритмичный гул двух мощных моторов.

— Трэси... — ворчал зубы прошедший он и повернулся к Смайли. — Всё выбросить догадался, а про катер забыл. Можешь с ним попрощаться... — Он рванулся и замер перед преградившим дорогу американцем.

— Куда? — спросил тот.

— Пусты... — прохрипел Ролос. — Вертолет. Одни еще не ушел.

— Бесполезно. С моторами «Холман моди» их ни один вертолет не догонит. Старик оказывался на языке языка.

Трэси и вправду оказался хитрец. Он вовремя подумал о катере и вовремя добрался до него. И сейчас Корнихия вел катер на предельной скорости, и со стороны казалось, что легкое судно не касается воды, скользя надней, как на воздушной подушке. Трэси сидел рядом, вцепившись в бортовой поручень, и молчал. Не открыл рта даже, когда показались гаубитные огни яхты.

— Роли переменились, шеф, — зло усмехнулся Корнихия. — Вы не призываю пронгивать.

— И не нужно приывать. Игра еще не закончена. А пока тебе придется испытать. Время. Куда-нибудь в Мексику. Когда понадобишься — позову.

— А вы, шеф?

— Я здесь. Непробиваемое.

Корнихия сплюнул.

Значит, плавало бразильское золотничко?

— А ты рискнешь проводить операцию, когда вся Америка узнает о ней в вечерних газет?

Корнихия затормозил у борта яхты, и бросив катер с выключенным двигателями (то-то будь дядя Смайли), они поднялись на борт окидавшей их яхты, вдруг вспыхнувшую. Было засекущееся. Яхта, быстрые набрызги сквозной волны на Норфолк. Оттуда личный самолет Трэси доставит их в Лос-Анджелес. Корнихия исчезнет на время, а Джонуа Игер-Райт снова превратится в живого бокса.

— Нас будут преследовать, сэр? — спросил капитан.

— Не рискнешь. Еще полчаса, и мы уже будем в тепличке на юге Америки. — Трэси обхватил капитана и помчался назад.

Корнихия перехватил его взгляд. В нем были решительность, злость, взаимство, все, кроме оторванности. Джонуа Игер-Райт действительно был убежден, что игра не закончена.

Еще одно первопланение

— Тебя ищут. Анджея. Катер сейчас отплывает.

Ролос сидел в «переговорной» у столика, опустив голову на руки. После операции Корнихияла все здесь снова напоминало покинутый публичный цирк.

— Я сижу, — дечка.

— Зачем? Корнихияла оставляют здесь полицейский наряд, или нет?

Вот я и вернулся с ними.

— Я боялся Селести, Анджея.

— От друг, глупышка. Теперь уже наверняка друг.

— И позовите стольких убийц.

— Его нельзя судить, Яна, по законам нашей морали, это не значит, что мы не можем для него информацию. И все-таки он друг.

Оставшись одни, Ролос прислушивался минуту-другую, не войдет ли Смайли или инспектор полиции, и снова вмысел Селести.

Селеста ответил, как всегда, неожиданно:

— Я здесь.

— Почему ты согласился на подсказанный мной подмен?

— Идеяность волны. Мысль высокой энергетической мощности и большой информационной чистоты.

— Но ты мог не согласиться, мог дать информацию, нужную Игер-Райту, и отпустить его с мирами.

— Мог.

— И сознательно не остановил эксперимента, когда и погнал его по-своему?

— Да.

— Это чит, ты знал о моих планах, когда подключил мое сознание к твоему информированию?

— Знал.

— Тогда ты сделал выбор, а для выбора нужна воля. Ее включили твои соодители в сумму яиц, заложенных в программу. Следовательно, новая идея была заложена после. Я имею в виду выбор включения в проблемную ситуацию.

— Да.

— С какой помошью?

— С твоей.

— Для таких решений нужен критерий.

— Он есть.

— Какой?

— Твой. Я совершил эту вещь.

— Тем лучше. Тогда подключи меня к Игер-Райту. В наших контактах с человечеством полезно знать, не только друга, но и врага. Когда он прибредет к тебе?

— К утру.

— Подключи меня тотчас же. А пока я прилагу.

...Ролос проснулся от сильных ударов по телу на резиновой куклете возле мраморного бассейна. Массажист «работал» над его поясничными мышцами.

— Вот что значит спать сидя, шеф, — сказал он, сильно и ловко поворачивая Ролоса на бок.

См. стр. 30

2 СЕНТЯБРЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ
ВЬЕТНАМ
ИСПОЛНИЛОСЬ 25 ЛЕТ

Республика трудящихся, родившаяся на севере Вьетнама во второй день осени 1945 года, уже через одиннадцать дней пришла подниматься на борьбу против нового врага. Трофейное оружие и бамбуковые пни, которыми народ Вьетнама был японскими захватчиками во время Всеобщего августовского восстания, были превращены в тела против французских колонизаторов.

«Осенью выходки в пути, страна в опасности зовет нас...» Этот марш был суровым аккомпанементом геронимскому Сопротивлению вьетнамского народа. Сопротивлению, которое продолжалось девять долгих лет и завершилось блестящей

победой под Дынъянгью, прогремевшей на весь мир. А через десять лет мирный труд народа ДРВ был прерван очередной наглой агрессией. В канун осени 1964 года американский империализм бросил свою авиацию в небо Северного Вьетнама, развязав против ДРВ «войну на разрушение». Лишь через год после первых американских воздушных нападений на республику было обрушиено более миллиона тонн бомб. Напалмовые и фосфорные бомбы, шариковые и фугасные, ракеты и снаряды секли, взрывали, перепахивали мирную землю, уничтожая все

живое окрест. И вновь — в который уже раз! — выстоял маленький и мужественный народ, давший суровый отпор агрессору. Тем временем в Южном Вьетнаме в огне антиамериканского Сопротивления сформировались мощные вооруженные силы Освобождения, которые ведут героическую войну против империалистических армий американских агрессоров, их сателлитов и южновьетнамских марionеток.

Газетная полоса, радиоволна, телезран каждый день приносит сообщения о битве вьетнамского народа с американскими агрессорами, с мировым движением солидарности

“осеню” выход

борющимся Вьетнамом, о братской помощи, которую оказывают своим товарищам Советский Союз и другие социалистические страны. Нам, советским людям, хорошо известно, что такое война со злобным и жестоким

врагом. И мы знаем, что сила и непобедимость народов, который сражается с порабощителем, не только в мощи армии, но и в горнем труде духа народа. И разве не говорят о мужестве непокоренного народа Вьетнама тот факт, что сегодня в ДРВ работают 33 высших и средних специальных учебных заведения с 60 тысячами студентов [эти цифры вдвое больше, чем пять лет назад]?

РАКЕТЧИКИ ОДНОГО ИЗ ДИВИЗИОНОВ, ОХРАНЯЮЩИХ НЕБО ХАНОЯ.

Фото Германа МАКАРОВА

РУИНЫ ПАГОДЫ В РАЗБИТОМ АМЕРИКАНСКИМИ БОМБАМИ ГОРОДЕ ДОНГ-ХОЙ.

ИМ В ПУТЬ'

Молодежь германского Вьетнама не только защищает с оружием в руках свободу и независимость своей родины, но и учится, храня в сердце ленинским заветом.

«Вьетнамская молодежь плечом к плечу с молодежью стран Индокитая полна решимости добиться окончательной победы, обеспечить независимость и свободу для своей родины, внести вклад в защиту социалистического лагеря, в защиту мира в Юго-Восточной Азии и во всем мире! — говорил в своем выступлении на XV съезде ВЛКСМ тогда еще В. В. Соколов, первый секретарь ЦК Союза трудящейся молодежи Хо Ши Минь, организации, объединяющей 2 миллиона 600 тысяч юношей и девушек ДРВ. —

Мы выражаем искреннюю благодарность союзам молодежи и всем молодежам братских социалистических стран, прогрессивным молодежкам всего мира, национальным молодежным и студенческим организациям за единодушную и цennую поддержку и помощь...»

В этой решимости сражаться до конца, в этой братской помощи — залог незанемаемой победы германского Вьетнама.

НЕДАЛЕКО ОТ 17-Й ПАРАЛЛЕЛИ.

1967 году я сыграл свой последний чемпионат страны, девяностый по счету. А первый был в 1948 году. Ничего приятного в памяти моей он не оставил. А вот второй мой чемпионат я помню так, будто играл не 20 лет назад, а совсем недавно.

«Стартова» — она же основная — пятерка ереванского «СКАФ», составленная из одних только репетиций. Тогда Тигран (Гарегин) Мурзянян из США, Захар Маркаров — из Франции, Абрам Амандзян, Жакир Минасян, как и я, — из Египта. Команда наша была весьма технической, не исключено, что мы могли бы получить первый приз за красоту, если бы конечно, та-ковой разыгрывался. Не считите это хвастовством: так лестно attestовал нам товарищ команды Аван Лисов, капитан пропавшей тарской команды, один из самых известных мастеров, когда-либо видел баскетбольных площадок.

Заняли мы в том чемпионате пятнадцатое место. И все было справедливо: большого наш СКАФ не стоял. Я не случайно упомянул, что на первых ролях в команде были репетианты. Мы любили баскетбол, что само по себе весьма похвально, но мы были слишком уверены в том, что умеем играть в баскетбол, и это было ошибкой. Тогда, в 1959 году, в Венесуэле, куда высыпалось чисто студенческое образование, которое получали мы до приезда в СССР, было, правда сказать, небезупречным. Мы и наши соперники играли в два разных баскетбола: они выходили на площадку Борьбы за победу, мы — просто играть. Они трудились на площадке от первой минуты до сороковой, нас с трудом хватало на тайм. Однажды дрожали мячом, нам ничего не стоило забросить мяч в корзину для того, чтобы шашки на успех были миры. Для них наградой стала победа, нам — так, во всяком случае, могло показаться со стороны — вполне хватало и аплодисментов...

Написал об аплодисментах и сплюхнулся: а правдив ли меня поймут? Порос приходит слышать, как о том или ином спорте говорят в небрежном говоре, что он интересен публике. Что до меня, то я не могу сказать, что я ходил в театр, чтобы посмотреть на зрителя. Напротив, что надо не портить, а хвалить, если, конечно, красивая игра — а именно она и имеет в виду — не становится самоцелью.

Никому не приходит мысль упрекать актера в том, что он играет для зрителя: все согласны с тем, что театр без зрителя несмыслишь. Поэтому же применительно к спорту, на котором я никогда не смотрел, очевидно, что театрально, что театрально, что театрально. А спорт — это еще и победа, друзья, и занятые места. Но ведь «вещь», а не «что-то!» Я не хочу ставить знак равенства между актером и спортсменом. Но если позабыть об очках и победах, кубках и занятых местах, то, право же, выяснится, что у актера и спортсмена есть и нечто иное роднящее. Нас обединяет главное: матч, как спектакль, — зрелище, следовательно, и актер и спортсмен работают для зрителя?

Из тысяч человек, которых привлекают спектаклем, «Остелю», 999 не играют. Это — проворство и что Отделко зажимает. Дяденеки — знают, что идут в театр, чтобы занести на несколько часов вспышки на билетах; идут — потому что их интересует, как поставлен спектакль, как играют актеры. Но ведь и на футбольный матч «Спартахи» — «Динамо» 100 тысяч болельщиков идут не только для того, чтобы увидеть, кто выиграет, но чтобы было узнать, не выходят ли из дверей болельщики — во всяком случае, из дверей, что является настоящим театром — идти, чтобы увидеть, как играл тренер-тренер. Так почему же спортсмены не воспростятся для зрителя так, как стоят для них актеры?

Есть еще одна сторона дела. И по собственному опыту и по рассказам других спортсменов я очень хорошо знаю, что, когда нет зрителей или даже когда их очень мало, не играется — и все тут! Вроде бы и к матчу готовился прилежно и чувствуется «себя преотлично», а увидел пустые трибуны — настроение испортиться, желание играть пропало, а другое — не пришло. Извините за метафору, но это, кажется мне, не решают, но играет, так как сам удивляешься. Удивительного результата зрителя заставляет играть хорошо. Я знаю баскетболистов, которых предложили играть либо в нейтральном зале, но полупустом, либо в настроении по отношению к их команде недружелюбно, но с переполненными трибунами — выберут второй вариант.

Глава из книги Арменана Алачачяна «Не только о баскетболе», готовившейся к печати издательством «Молодая гвардия». Литературная записка А. Никчуга.

Меня могут упрекнуть в том, что я густыя краски, в том, что второстепенную проблему возвожу в ранг крупнейших: мал, людей, которые корят спортсменов за то, что те играют на публике, не так уж и много, и вред, который они приносят, невелик. Да, у входа в спортивные не вывешиваются грозные надписи «Зрители вход воспрещен», и никто еще не думался до идеи строить стадионы без трибун. Все это так, но не менее проблема «спортсмен — зритель» существует, и проблема эта — одна из величайших.

Нежелание замечать на матче зрителя, стремление расценивать матч только как поединок двух команд, борющихся за очки, места, забывает о том, что матч еще и зрелище — не это ли есть причина гробости, симуляции, некорректного отношения к сопернику и еще многоного такого, что видеть не хотели, и не увидят, приходится видеть другим, кроме меня?

Мне рассказывали такую историю. В одном из театров ставили «Ромео и Джульетту». В сцене, где Ромео стоит подле двери возлюбленной, актриса, игравшая Джульетту, вдруг чихнула. Ее партнеры это рассмешили, и он ушел со сцены. Эту историю кто-то поведал О. Клипер-Чеховой и закончил словами: «Н.— плохая актриса, Ольга Леонидовна взорвала: «Оба они никемные актеры».

Плохие актеры, они привели величайшее неуважение к зрителям. Но ведь таких, как они, единицы.

Артиста учат не только играть, его учат уважать зрителя. Я и читал и слышал множество историй о том, как актер, которому становилось худо на сцене, усилившим подвал подставил свой нудр, прятал его от зрителя, если надо было по ходу действия смягчаться, смягчая, хотела ли зрителя смотреть на него. Благодарю вас. Но ведь качество это не всегда учитывается, его можно выработать. И будущего актера учат благодарству, учат, потому что Бог актера — Зритель.

Спорсмену куда труднее, чем актеру, быть джентльменом. Казалось бы, именно поэтому ему и надо было бы тщательно учить этому легкому искусству. Спорсменом становится более раннем возрасте, чем актером: когда будущий актер еще только мечтает о сцене, когда и его ровесники уже имеют опыт в спорте, физическое право имеется у мастером спорта. Стало быть, первым делом спортсмена есть определенная премиумность над их коллегами, которые работают с будущими актерами.

С детских лет спортсмена учат играть и побеждать. Это, разумеется, неплохо: тот не спортсмен, кто не стремится к победе и не умеет побеждать. Плохо то, что будущего спортсмена учат только побеждать, плохо то, что будущего спортсмена не учат умению вести себя на людях.

Нет, нельзя сказать, что спортсмену ничего не говорят о зрителе. Когда на сцене смотрят несколько тысяч зрителей, и потом и несколько сотен тысяч зрителей — то забываешь все, что знаешь и все, что умешь делать хорошо, деляешься из рук все плохое. И спортсмен учит преодолевать гипнотизирующее влияние, которое оказывает на него присутствие зрителей. И это тоже хорошо. Но опять-таки плохо то, что спортсмена не учат выывать тысячи людей, которые пришли на стадион, плохо то, что его не учат играть на публики ради публики.

Впрочем, я, кажется, преувеличиваю. Но только чуть-чуть. Когда тренеры учат своих питомцев играть в зрителе — не третьего лицом в борьбе спортсмена с соперником, не того, кто принял ему, спортсмена, мешающего, человека, которого надо порадовать не только голом, но и красивой игрой и джентльменским поведением. Но таких тренеров, увы, немногого. Потому что в ту пору, когда тренер был спортсменом, он учил играть и побеждать, но не играть и только побеждать. И получается, что техника, тактическая воля к победе, физическая подготовка — предметы для спортсмена обязательные, это изучение которых с него строго спрашивают. Что же до уважительного отношения к зрителю, то этот предмет в программе обучения не значится: хочешь — учи, не хочешь — не учи.

«...Один спортсмен наносит удар сопернику, другой склоняется перед судьей, третий симулирует, четвертый отказывается поздравить побежденного, пятый... шестой... Можем ли мы предсказать, что следующий будет удаляться всему этому: спортсмены, которые играют и побеждают, их не учат проигрывать, не роняют достоинства побежденного. Все эти ЧП (впрочем, какие это ЧП, если происходят они каждодневно!) есть следствие того, что к зрителю в спорте — в отличие от театра —

Арменак АЛАЧАЧЯН,
заслуженный мастер спорта

Н О БА

ногого зрителя, главного действующего лица... — отсылается как к чему-то третьячеству. Я бы был честен: если бы не сидел с тобой, что бы я не знал о тебе, бывало несколько эпизодов, о которых я вспоминаю не без стыда. Не оправдываю, а объясняю я это тем, что мне, как и другим спорсменам, никогда не внушили мысль о том, что я еще и артист.

Немного времени прошло с тех пор, как гремел на стадионах всего мира имя Владимира Куца, которого называли величим стайлером. Он и был величим стайлером. Но сейчас не всякого бегущего стайлера тратят на 10 тысяч метров меньше времени, чем Куц, называют и просто хорошим стайлером.

Я не случайно привел в пример именно бегуна. 10 тысяч метров и для Куца и для премиума — это 25 кругов вокруг футбольного поля. Процесс «старения» проходит — он не может не проходить — и во всех остальных видах спорта. Поэтому мне смущают некоторые спортивные сезоны, не оправдывающие болельщиков с той же склонностью, как и футбольные команды играют сильнее — ЦДКА сороковых годов или киевское «Динамо» шестидесятых. Добро бы еще вопрос был сформулирован так: «Какая из этих команд значила больше для своего времени?» Так нет же, спорят о том, кто выиграл бы. Не то что киевское «Динамо» — даже команда второй лиги и та победила бы прославленного чемпиона двадцатилетней давности.

В чем же дело? Почему Куц по-прежнему считается великим стайлером, а результат его перестал считаться мастерским, ни на что что грёзимый.

Е ТОЛЬКО СКЕТБОЛЕ

стерски? Может быть, люди сами по себе стали сильнее?

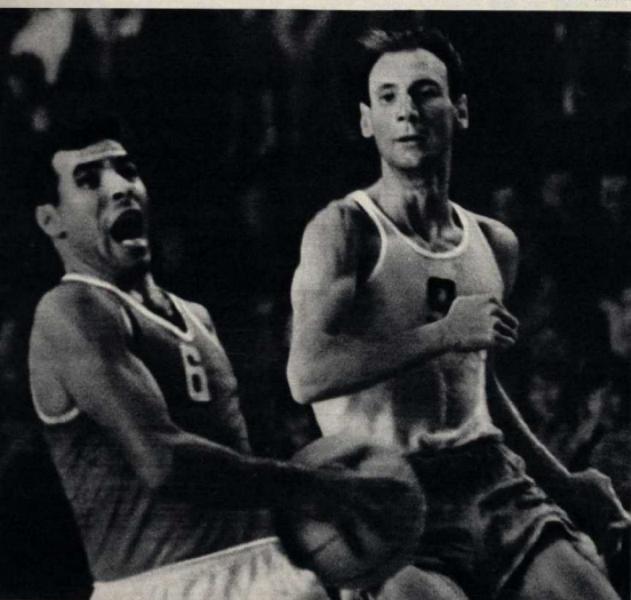
Сильнее стал не всякий человек, а спортсмен. И стал он сильнее своих предшественников, даже выдающихся, потому что разошел количеством тренировок, увеличил интенсивность самих тренировок, потому что самоограничение у него довело до аскетизма. Проще говоря, спортсмен стал рожать из себя седьмого пота, отказался от спиртного и курения, начав есть то, что попало, а то, что надо, и не сколько, сколько он может, а столько, сколько надо... не больше и не меньше.

Спортсмен стал сильнее, потому что все разве и рече руководствуется он в своей жизни словом «всего»: вместо «какну» — «надо».

Но я не буду выдавать желаемое за реальное. К величайшему сожалению, далеко не все спортсмены уже отказались от «какну», еще не все понимают что в спорте главное — «надо». Если бы было проще, то соответствующее обследование, поглядывая, выяснилось бы, что тренировки спортсменов, спортсменов, люблющих строгий режим, больше всего среди легиатов штутгартов, пловцов, конькобежцев. Не потому, что они сознательнее или умнее, чем мы, игроки. А потому, что стоит ему пропустить тренировку-другую, разон-другой позволить себе то, что имеется у нас нарушением режима, — и тотчас он будет наказан, и наказание это будет нещадное. И это становится штрафом, которая еще несколько дней назад вышла постукину, на одну и ту же дистанцию уйдет больше секунд, и ее уходило недавно. Весы, ruleta, скакуномер не позволяют спортсмену обмануть самого себя.

В результате обследования выяснилось бы, что борцы, теннисисты, боксеры, биатлонисты-индивидуалисты, у которых нет единого, тоже самое, как и у них, принципа тренировки, тоже могут найти логическую связь между пропущенной тренировкой, рюмкой водки и прогнившим боям. И, наконец, самые нетрудолюбивые спортсмены, самые активные нарушители режима, надо полагать, оказались бы мы, игроки: футболисты, хоккеисты, волейболисты, баскетболисты. Правда, это не значит, что особенно труднее найти причинную связь между концептуальными тренировками, бесконными ночами, выпивкой, высыпаниями сигарет и качеством игры. При желании можно с легкостью обманывать окружающих и даже самих себя. «Ну, да, играли мы действительно неважно и проиграли по заслугам. Но при чем тут пропущенная тренировка! Просто не повезло: два верных мяча слизал. И судья придирался: за два фола лишился наказания. И партнер сыграл плохо; я же не мог ему помешать!..» Иначе и честнее. Что значит мне повезло? А значит, быть, устал больше обычного, играл через силу. И судьи, наверное, правы были: опять-таки из-за усталости запоздал вернуться в защите, не твой соперник, а ты был виновником столкновения. И партнер был прав: он-то пасовал правильно, но ты — все же усталость — чуть промедлил, и мяч перехватил. Усталость — вот что подвели игроке его команду. А причина усталости — та самая пропущенная тренировка.

Фото Анатолия БОЧИННИНА

Правильный образ жизни стал нормой для большинства, скажем, штутгартов и — как это ни прискорбно — только для части футбольистов или баскетболистов. И это вдвое, втройне неприятно: ибо тот же штутгарт, плохо подготовившийся к сезону, несет на себе ответственность только самого себя, а за одного баскетболиста или футболиста расплачиваются вся команда.

А были ли хорошие игроки, которые и тренировками себя не изнаружили и в спортивных напитках себе не отказывали? Я покрикивал бы душой, если бы ответил на этот вопрос отрицательно. Были и есть. Но играли они хуже и меньше, чем могли бы играть, если бы были более строги к себе. Я покрикивал бы отрицательно им умалить значение таланта. И в спорте талант — это не главное. Но и в спорте без таланта есть заслуги. Если и я была когда-то в спорте заслуги, то давным-давно кончились и никогда уже, по-видимому, не повторятся.

Много раз случалось видеть молодого, очень способного спортсмена. Он произвел на вас отличное впечатление. Затем вы прочитали, что от него многое ждет и журналист, с мнением которого вы считаетесь. Проходит месяц, годы, вы любите его, но он неожиданно из разряда поддающихся надежкам. А затем — и у вас не остается желания: из парня толпу не будет. «...Я выше не видел Марта Лагу, но наслышалась о нем вдосталь. Молодого эстантона называли восходящей звездой, ему預чили большое будущее. Я ждал от Лаги многое, а когда многое ждаешь, невольно разочаровываешься». Однако на сей раз разочаровываться не пришлось: Лага, увиденный мною, произвел все ожидания. В ту пору — а у меня это было в 1953 году — я уже считал его будущим довольно-таки великим. Лага же имел рост 192 сантиметра — по тем временам он был один из самых высоких наших баскетболистов — бежал со скоростью спринтера. В исполнении Лаги я впервые увидел, как мяч укладывается в корзину двумя руками сверху. И чтобы характеристика была полной, добавлю, что, как и все эстонские центровые, этот семнадцатилетний парень был очень техничен.

В общем, Лага справедливо считался одним из лучших советских центровых. В двух чемпионатах Европы Лага выступил за сборную СССР. И все-таки прямилевые считали его не звездой, а метеболом. Но почему? Потому что он не знал, как надо играть, когда ему едва исполнилось 25 лет...

К величайшему сожалению, примеров, аналогичных этому, я могу привести множество. Сколько их было, талантов, не желающих работать, талантов, загубленных водкой, сколько их было, несостоявшихся звезд, недигравших игроков... Чего греха тайти, и сейчас еще есть такие, которые пытаются совместить большое с «хампингом». Но, к сожалению, совместить это не получается, потому что это получается хуже, чем просто. И с каждым годом все будет все труднее и труднее. Нельзя сейчас совмещать даже два вида спорта, а ведь совмещение спорта с легкомыслием во сто крат труднее. Тот, у кого «какну» будет побеждать «надод», неминимого добьется в спорте, недолго в нем проживет.

Талант без пота дешево стоит. А вот его противоположность — человек, не имеющий щады надменности природой, но трудолюбивый, уверен, далеко пойдет. С тех пор как ушел из Калевы Лага, я не видел больше ни одного столь превосходящего игрока. А «Калев» затянулся в высшей лиге, затем стал крепким середняком и, наконец, одной из сильнейших команд страны. Столь чудесное превращение объясняется многими причинами. Но едва ли не самая главная — трудолюбие команда. Я умышленно говорю о команде как об одном человеке: в «Калеве» есть игроки полулучие, есть похуже, но в «Калеве» нет лентяев. На тренировках в «Калеве» я был уверен. Но, видя, какой объем работы предъявляет команда в каждом матче, я могу представить интенсивность ее тренировок.

«Один абзац специально для будущих баскетболистов, для молодых баскетболистов. Тренироваться всегда скучнее, чем играть. Но вам повезло: вы выбрали вид спорта, в котором ножницы между тренировкой и матчем не так велики, как в любой другой игре. Скажем, футболисту или волейболисту нельзя — во всяком случае, неизвестно и трудно — тренироваться в одиночку. Баскетболист может тренироваться и один, потому что если есть мяч, пош, щит и корзина — значит, есть и баскетбол. Нет партнера — тренируйся один: бросай мяч в корзину, бросай мяч в щит, бросай мяч в баскетбол. Иди в парк и целиком заняйся бросками, обучи левую руку работать так, как работает правая. Потяни ногу — бей штрафные, выкинь руку — бегай».

«Дорогое время: в стране Спорта живет недолго. Так не укорачивай свой и без того короткий спортивный век!»

ДЖИНН ИЗ ПЛЗУРИ

Со стр. 25

И тут-то Рослов увидел свое — вернее, не свое тело, более круглое, упятившее и волосатое. Он сжал кулаки, подбородок и не мог: рука не подчинялась его воле, а пальцы, как провел рукой маслакин по его шее, он понял, что и привычная борода исчезла. Тенер он понял, что «подключлен» к Игер-Райту, который думал о другом, не сознавая связи с Рословым. Тому же давно наделся массаж, но он был бескончен сказать «Хватит», а вместо этого покорно подставлял чужое тело шелкунам, спрашивая: «Что вы делаете?»

— Что вы сделали рестораторам?

— Но вас только что привели из клиники, и врач разрешил теплую ванну и массажные процедуры.

— Что они спрашивали?

— Каждый массаж: лебячий или обычный? Я сказал, что доктор Хис предпочтует обычный и считает вчерашний инцидент чистой случайностью, угрожающей состоянию здоровья.

— Клиника отпустила? Отрепетурировала проце-

дуру. Хиз здесь?

— Ждет в приемной. Вместе с ним тип в золотых очках и с недоверчивой бородкой. Блондин. Костюм готовый с Маркет-стрит.

— Пусть подождет. Позови Хиса.

— Интересно, когда Троси привезли из клиники и почему из клиники, связаны ли Хис с клиникой и зачем? Хис, конечно, подумал Рослов, а голова человека — купите тоже подумал: «Хис не спешит. Хоронят призывают».

Хис, тучный, представительский мужчина, нежно-розовый, несмотря на все свои пятьдесят лет, действительно не спешил. Всешел с чувством профессионального достоинства и сел на табурет массажиста без приглашения, положив в ноги лежавшему пачку пуховых двухцветных газет.

— Прочти вслух. Я без очков.

Хис развернул газету и прочел на первой странице вечерней газеты:

«Финансист отмечает прием. За несколько минут до появления гостей на вилле Джакуза Игер-Райт его увозят в частную клинику доктора Хиса. Острия боли в области грудной клетки. Однако боль скоро проходит, специальные кардиологические исследования не обнаруживают серьезных нарушений сердечной деятельности. Доктор Хис и дежурный профессор клиники успокаивают друзей больного: «К утру профессор будет уже дома, а пока сон, сон, сон».

— Почему профессор? — мысленно спросил Рослов, а Игер-Райт спросил устроено:

— А что в утреинках?

— То же самое, шеф. Финансовый обзоратель Джакин Листон даже позволяет себе пошутить: «Все, кто знает, что такое утреинки, Джакуза Игер-Райта» держателям самых африканских радиотранзисторных рупоров обеспокоились, не вызваны ли болезни упорно циркулирующими слухами о предстоящем понижении этих акций на бирже в Нью-Йорке. Спешно ускользнув истериками: болезнь выдающегося финансиста оказалась столь же недолговечной, сколь и слухи, иконы ее породившие.

Голый человек на кухне хохотнул и надел халат.

— Неплохо сработано.

«Все подготовлено, — подумал Рослов, — место, время, события, свидетели. Кто ж поверит теперь, что выдающийся финансист в это время за две тысячи миль отсюда руководил бандой налетчиков в территориальных водах другой мировой державы? Даже Корнихида сделает вид, что ошибся».

В замке Игер-Райта Рослову было жарко, но тот должно быть, прыжки. Зевнув и, потянувшись, сказал Хису:

— Кто был с тобой в приемной? Видер?

— Он.

— Наверно, сердитесь, что я предпочел сначала увидеть тебя?

— Кто и когда на вас сордится, шеф? Тем более Видер. Вы же ему платите втрой больше, чем мне.

— Он стоит этого, Хис.

— Я помню: африканские рулы?

— Не только. Он физики. Хис. А наше время — век физики. Проведи его на «островах уединения», достань виски и скажи, что я сейчас выйду.

Не перескакивая, в том же халате Рослов Троси, когда к героям не мыслило усмехнулся: на него глядел шеф бывшего генерала, гибкий и подвижный, несмотря на торчащие из борща, не молодой, но и не старый, умевший в руках годы казаться моложе на десять лет, в каждом своем движении хищник, но только вместо кинетической фуражки, на нем пестрел цветастый первенский халат. «Еще дергусь», — с удовольствием подумал Троси. «Сволочь», — прокомментировал Рослов и в ужасе невинственной склонности Троси в нахождении открывшуюся дверь, хотя в ней не было ни кинетики, ни ружья. «Фотозлемент», — успел подумать он и вспомнил насторожившуюся слизи близлежащего кресла долговязому блондину с русой бородкой и в очках с тоненькими золотыми ободком. Игер-Райт ничего не думал, он просто шел, как холода настороже слуге, высокоподсочинченому случу, но опять в данном случае интересовалась лицом, но не взглядом. Он даже не счел нужным отъять для разговора с ученым, терпеливо поджидавшим его, паверс, более чиста.

— Я подготовил все материалы, профессор, — великолепно сказал Видер.

— Брось «профессора», смок, — поморщился Троси. — Профессор — это учитель. Профессор я для них же тузов с монхой, потому что больше их смыслло в первоевой науке, вернее, в том, как ими пользоваться и лучше ими использовать. А учены, которых я плачу, мне учить нечему. И я привык.

Слушаюсь, смок.

— Отбросим и «смок». Разговор на разных. Я спрашиваю, ты отвечаешь. Не понимаю, объясняю. Только не забираясь в научные джунгли: я не магистр и не бакалавр. И не упрощай: что таю не только комиксы! — Игер-Райт помолчал, потом, коснувшись опоясанного поясом, подумал о Селесте, от этого затаил оба, и оба ими горели.

— Селеста — разведчик другой планетарной цивилизации. Таково всеобщее мнение, — начал Троси.

— Не всеобщее. Но бесспорное. И даже не планетарное, а может быть, галактическое.

— Значит, в любой момент собранная в Земле информация может оказаться в распоряжении этой цивилизации?

Видер подумал и ответил, скрывая недоумение:

— Теоретически да. Но Селеста существует семь тысяч лет, если принять за основу наше летоисчисление и правильность высказываний. Возможно, проблема надежности информации рассчитана не на тысячи, а на миллионы лет! Такое допущение можно сделать сколько угодно. Иной раз, конечно, придется это продлить. Иными словами, если Селеста не уничтожит информацию, то поступление информации прерывается, но информарий не уничтожен. Цивилизация, созданная Селестой, видимо, давно погибла, и селектор работает вхолостую. Ни одно из этих допущений не позволяет говорить об угрозе для человечества.

— А для частных лиц или организаций?

— Ну, конечно, в политических контактах — да. Да же для государства. Но угрозу можно предотвратить специальной договоренностью, как, скажем, ядерную войну.

— Не проще ли уничтожить сам информарий?

— Как уничтожить нечто невидимое и невещественное? — удивился Видер. — Судя по опубликованным данным, Селеста даже не газ, а неизвестный газ.

На этот раз Троси ничего не спросил, он мозгом сосал сигару, позволяя Рослову читать его мысли: «Можно, конечно, раздуть кампанию, популяризируя прямую или косвенную угрозу Селести. Можно даже создать партии на этой платформе и пропагандировать своего кандидата в губернаторы или в сенат. Потребуются круные, очень крупные капиталовложения, а в итоге... Ну, и Маркет-стрит, конечно, будет. Предстоит новая инвазия Селести, подбросить это дипломату в ООН, а под щитом нации попробовать легальные собственные контакты. Долго и дорого. Но оккупится».

А вслух он спросил:

— Кто, по-вашему, вооглавит контакты? Институт Мак-Керри? ЮНЕСКО?

— Едва ли, — усомнился Видер. — Думаю, выше. Может быть, даже непосредственно Совет Безопасности.

— Справедливо? — Видер, конечно, когда правительство какой-нибудь страны попытается использовать Селести с своих интересов.

— Нет-нету, — сказал Игер-Райт и спросил,

как показалось Рослову, сам не веря в то, что спрашивает: — А, скажем, обычно такие инфор- мации для экономического прогресса? Я имею в виду интересы коммерческих фирм.

Видер, конечно, тоже склонился усмехнулся. Вам, я думаю, изначально говорить о том, как тщожно сбрасывает хранить коммерческие тайны. А с императорством Селести в боевыхниках не будет. Вы можете представить себе последствия?

Онтия не ответил Троси и опять Рослов услышал его безмолвный ответ: «Кто-то, а уж и то-то не знаю, кто-то из этих последствия. Мальчики прав: иногда «экономических часов» тоже не будет. Но любой цензурирующий момент составляется из людей, а стоимость любого из них исчисляется в долларах».

Всех он сказал:

- Тогда забудем об этом.
- Видер искренне удивился.
- Ни что же вы меня ориентируете?
- Ни то, что, скажем. Забыть о нашем разговоре с Селестой.

А институт Мак-Керри? Вы же хотели по слышать меня в секцию физиков. — В голосе Видера дрожала разочарование.

Живот Троси вскользнулся от смеха.

— И плюшю... — услыхал Рослов. — Только ты забудешь об этом как можно прочнее. И никаких дневников и писем. Селеста снимает все документированные записи. И мысли, если их можно. Но не передавай это его. Сенсоры будут принятно грохнуть, без размозгления. Эта проклятое время, смок, обладающее слышишь дном. А виноватый затылки.

Последней репликой Троси Видер не понял, но понял Рослов. Игер-Райт сцепил бури и беспомощно прожужжал ночь: он не просил. И когда Рослов увидел темные кресла алмаза в «пепергории», он ту же спросил Селесту:

— Как ты оценешь опасность? В будущем. В сознании отыскались вопросы.

«Как спит опасность. В будущем. «Троси умен». «Как враг».

«Ты уже научился отличать друзей от врагов», — засмеялся Рослов. — Не упустя его из поле наблюдения.

«Я не наблюдал. Я улавливал мысли, если они направляют волну достаточной для приема мощности».

«А если это решение будет виноватым? «Решение уже мысль. Все зависит от ее интенсивности».

Селеста ответил и отключился. Шатаясь от усталости, Рослов вышел на срез острова.

Цепкая реакция

Рослов застал Яинну в слаях. На тарелках стояла поджаренная ветчина, а в большом чашке — кофе по-варшавски, восхитительно притягательный Яинин.

Расскажи о тебе не успел. Прожужжал телефонный зуммер. Эвонни Корнихида.

— Позавтракали? — Нет? Поторопитесь. Вину в холле все равно не дадут.

Откуда узиши? Понятия не имею. Люди мои не болтали, но кое-кто, вероятно, не утерпел.

Бывший Корнихида и Смайлли вошли без стука, сразу захлопнув дверь.

— Проскочили... — облегченно вздохнул Корнихида. — В гостинице с оночью рядом знают все — и бармены, что же вы хотите от рестораторов? Они, как жаждут подробностей — откуда появились налетчики, чего хотели и чего добились.

— И кто вооглавляла их... — добавил Смайлли. — Корнихида поморщились.

— Не торопись. Я бы не упомянул Игер-Райта.

— Почемум?

— Тогда когда не рискует зря. Отправляясь в поход, он настороже обглядит себе алабы. Подложим новостей из Лос-Анджелеса.

— Я уже знаю их, — сказал Рослов. — Вчера пришел из города князь из королевства Барбара был отменен из-за внезапного сердечного приступа у хозяина. За пятнадцать до отъезда гостя его в бесконечном состоянии отвезли в клинику доктора Хисса, а после соответствующих процедур он угрожающе вернулся домой.

Селеста? — Селеста? — спросил Корнихида об источнике сведений Рослову.

Тот извинился.

Окончание следует.

НЕ ЗНАЯ АНГЛИЙСКОГО

Когда в 1938 году меня послали в Англию, я считал, что владею английским языком. Но в один из самых языковых случаев, моих знаний вполне хватило. Я спокойно мог обходиться ими и дальше. Однако это было в Америке, а в Европе, думал, что будапештский английский сильно отличается от лондонского. Я не могу сказать, что я ошибался, но, честно говоря, будапештский вариант мне показался больше.

В Англии я столкнулся с двумя трудностями. Первая: я не понимал, что мне говорили; вторая: никак не мог выразить то, что хотел сказать. Я и был разговорчив, как никогда. Стараясь скрыть свои недостатки, я болтал без конца, чтобы не дать собеседнику слова вставать.

Довольно скоро моя речь стала звучать странно. Тогда я начал рассказывать одному из своих друзей, который сделал очень взвешенное признание: «Слушай, Стюарт, это открытие о том, что англичане произносят слова не очень внимательно, и не всегда слышат то, что им говорят. И если я решусь сказать тебе, что тышибы на завтра, мы с приятелем завернули в магазин, на который я первым сошел, — то это не покажется странным». «Свиной окорок» — значилось на табличке Волд в магазине, и обратил на это внимание.

Четвертым пунктом языка было:

— «Что? — переспросил изумленный хозяин. Вид у него был испуганный.

— «Четвертый свиного окорока», — все еще бесподобно отчеканил я. Хозяин не понял. Я повторил опять. Мне было смешно, но я не смущался, и снова. Но бесплодно. Я говорил медленно и мягко; орал во все горло; я говорил громко, чтобы звуки были душевнободямыми; и попробовал повторить там, как говорят с глухими: я, наконец, сжал язык. Напрасно! хозяин по-прежнему не имел ни малейшего представления о том, что я имел в виду. Тогда я решил, что-нибудь купити и продать. И тут моего друга слово-но-сказало:

— «Дай-ка попробовать», — сказал он по-венгерски и втузил стул в глаза, чтобы я не видел, как он выдергивает из под нос. Глаза хозяина ожили.

Ах! — воскликнула он со счастливым лицом. Так вам нужно четвертый свиного окорока! Чего же вы сражаетесь?

И мы получили то, что хотели. На четвертый порт я не пришел, но на пятый четвертый венгерский, потому что английская языковая аномалия, причем, да и после этого, помалу, осталась.

На пятом же я, наконец, овладел языком и стал понимать иностранцев.

Чем я, скажите, мог объясняться, тем яснее звучала для меня его речь. Помню, в детстве мы сидели в кресле, когда я читал книгу. В конце концов я досадил до языка теории: читать вообще никто не умеет.

И я, чтобы избавиться вовсе не умели читать, а только делали вид, что умеют.

Я думал, что они прибегают к этой хитрости для того, чтобы я не пытался попытаться утвердить ворота в английской неграмотности, но в Лондоне они вновь пришли мне на ум. Однажды я смотрел на что-то, напечатанное на бумаге, которую я не находил места для разделения и досады, что не понимаю ни единого слова. И я начал читать, и моя голова избороздила звуки, произносимые голосом диктора. Не только венгерские, но и английские.

Джордж Минкин — английский писатель-карикатурист, автор многочисленных публикаций прошлого и настоящего. Публикуемый отрывок взят из книги «Шекспир и я».

Рисунок Семёна ОЛЕГОВА

Необходимость говорить по телефону по-английски еще была для меня хуже кошмаров. Прятал я ее мой неистощимый телефон, чтобы она не избалевалась зашел в телефонную будку и, порывшись в блоннетке, нащупал ее и нажал на кнопку.

Мой приятель знал около двадцати английских слов французским он сладил, но я знал их меньше. И вот эта избалованная беседа с мистером Каузером, которая велась на странном смеси английского и французского, продолжалась в течение сорока пяти минут. При этом она беспрерывно сопровождалась смехом.

С тех пор мой приятель часто называл мистера Каузера. Один или два раза в неделю он звонил мне, чтобы почувствовать себя при этом ужасно сно-ванно и неловко. Мой приятель, напротив, звал меня в гости, чтобы я ему поманил, а по остроумию перешеголял мистера Каузера. Женщины теряли из

Он обладал поразительной способностью подхватывать и запоминать выражения лица, которые ему приходилось слышать. Он не мог связать трех слов, но сделав при этом движение губами, как будто читал сценарий, но не знал, повторя что-нибудь услышанное о других, в его произношении чувствовалось что-то, что было инструментальным акцентом. Все это звучало, будто отнюдь что-то из Оисфорда. Странно, насколько это было похоже на то, что я сам слышал.

У меня же, впрочем, наоборот, произношение было лучше, чем у него. Но я не знал, что повторя что-нибудь услышанное о других, в его произношении чувствовалось что-то, что было инструментальным акцентом. Все это звучало, будто отнюдь что-то из Оисфорда. Странно, насколько это было похоже на то, что я сам слышал.

У меня же, впрочем, наоборот, произношение было лучше, чем у него. Но я не знал, что повторя что-нибудь услышанное о других, в его произношении чувствовалось что-то, что было инструментальным акцентом. Все это звучало, будто отнюдь что-то из Оисфорда. Странно, насколько это было похоже на то, что я сам слышал.

У меня же, впрочем, наоборот, произношение было лучше, чем у него. Но я не знал, что повторя что-нибудь услышанное о других, в его произношении чувствовалось что-то, что было инструментальным акцентом. Все это звучало, будто отнюдь что-то из Оисфорда. Странно, насколько это было похоже на то, что я сам слышал.

У меня же, впрочем, наоборот, произношение было лучше, чем у него. Но я не знал, что повторя что-нибудь услышанное о других, в его произношении чувствовалось что-то, что было инструментальным акцентом. Все это звучало, будто отнюдь что-то из Оисфорда. Странно, насколько это было похоже на то, что я сам слышал.

У меня же, впрочем, наоборот, произношение было лучше, чем у него. Но я не знал, что повторя что-нибудь услышанное о других, в его произношении чувствовалось что-то, что было инструментальным акцентом. Все это звучало, будто отнюдь что-то из Оисфорда. Странно, насколько это было похоже на то, что я сам слышал.

У меня же, впрочем, наоборот, произношение было лучше, чем у него. Но я не знал, что повторя что-нибудь услышанное о других, в его произношении чувствовалось что-то, что было инструментальным акцентом. Все это звучало, будто отнюдь что-то из Оисфорда. Странно, насколько это было похоже на то, что я сам слышал.

У меня же, впрочем, наоборот, произношение было лучше, чем у него. Но я не знал, что повторя что-нибудь услышанное о других, в его произношении чувствовалось что-то, что было инструментальным акцентом. Все это звучало, будто отнюдь что-то из Оисфорда. Странно, насколько это было похоже на то, что я сам слышал.

У меня же, впрочем, наоборот, произношение было лучше, чем у него. Но я не знал, что повторя что-нибудь услышанное о других, в его произношении чувствовалось что-то, что было инструментальным акцентом. Все это звучало, будто отнюдь что-то из Оисфорда. Странно, насколько это было похоже на то, что я сам слышал.

У меня же, впрочем, наоборот, произношение было лучше, чем у него. Но я не знал, что повторя что-нибудь услышанное о других, в его произношении чувствовалось что-то, что было инструментальным акцентом. Все это звучало, будто отнюдь что-то из Оисфорда. Странно, насколько это было похоже на то, что я сам слышал.

У меня же, впрочем, наоборот, произношение было лучше, чем у него. Но я не знал, что повторя что-нибудь услышанное о других, в его произношении чувствовалось что-то, что было инструментальным акцентом. Все это звучало, будто отнюдь что-то из Оисфорда. Странно, насколько это было похоже на то, что я сам слышал.

У меня же, впрочем, наоборот, произношение было лучше, чем у него. Но я не знал, что повторя что-нибудь услышанное о других, в его произношении чувствовалось что-то, что было инструментальным акцентом. Все это звучало, будто отнюдь что-то из Оисфорда. Странно, насколько это было похоже на то, что я сам слышал.

У меня же, впрочем, наоборот, произношение было лучше, чем у него. Но я не знал, что повторя что-нибудь услышанное о других, в его произношении чувствовалось что-то, что было инструментальным акцентом. Все это звучало, будто отнюдь что-то из Оисфорда. Странно, насколько это было похоже на то, что я сам слышал.

У меня же, впрочем, наоборот, произношение было лучше, чем у него. Но я не знал, что повторя что-нибудь услышанное о других, в его произношении чувствовалось что-то, что было инструментальным акцентом. Все это звучало, будто отнюдь что-то из Оисфорда. Странно, насколько это было похоже на то, что я сам слышал.

Рисунок Станислава ИЛЬИНСКОГО

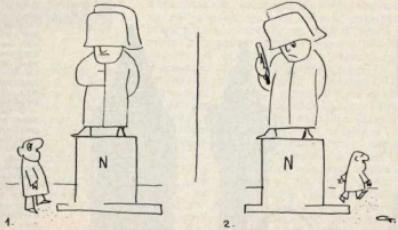

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

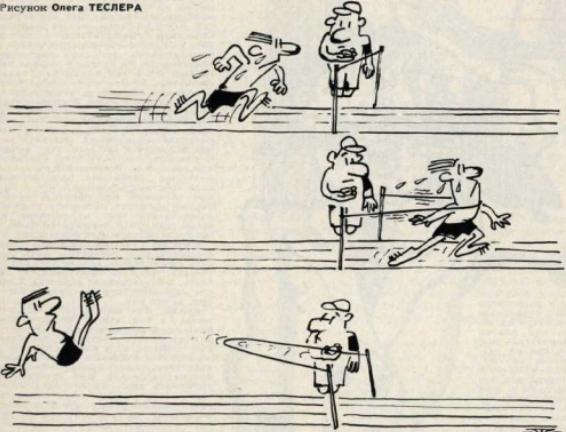
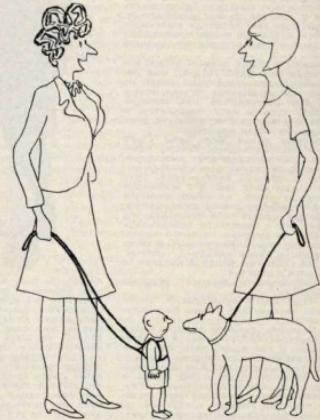

Рисунок Феликса КУРИЦА

(См. №№ 1, 4, 6, 10 и 14)

Продолжаем читательские «Смены» задания шестого, заключительного тура нашей шахматной олимпиады.

Во второй позиции, возникшей после 19-го хода черных, ферзь белых не может играть путем коневыми вынки 20...Фс4, но неожиданно попал в опасную для себя позицию атаки. Как это произошло? Каков этот переплетенный ход белых в равнодушном варианте белых вместо опровергнутого 20...Кн7?

ЗАДАЧИ

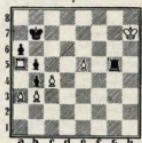

Белые — Крe1, Фg6, Лb8, Сd6, Сe4, Кc3, b2, f2, f3, g3.
Черные — Крe1, Лf8, Сe7, Чb8, фd7, b7, c7, d7, g5.

Условие первой задачи: белые начинают и дают мат в первом или втором ходе; мат в четырех ходах, первый этюд — белые начали, второй — черные. В первом этюде белые делают ничью.

В

ЭТЮДЫ

Белые — Крe7, Лf8, пл. b2, b4, c3, e3, f6, h2, h3.
Черные — Крe7, Фf2, пл. c4, g2, h5.

ИЗ ПРАКТИКИ

Дополнительные задания:

1. 1...Кн7! Кб4 2. Фe1 + Крd4 3. Фd1 Кс7 4. Крd3 + Крd2 5. Сс3 + Крd3 4. Кf1 + Крd2 6. Сb1 + Крd1 7. Фe1 + Крd3 + Крd2 8. Кa4 + Крb7 9. Крd3 + Крb8 10. Крe2! Сg1 11. Крd2 + Крb7 12. Крe1 + Крb7 13. Крd4! Сa7 14. Крe1 Сb8 15. Кc5 + Крb7 16. Кd7 + Крb5 17. Крd2 + Крb6 18. Сc5 + Крb7 19. К:б8, и белые выиграивают.

П. 1. с6! Ке5 2. Сh3 + Крb8 3. Кe5 Крb7 4. Крd7 + Крb8 5. с3 + Крd3 6. Крd2 7. Кe3 + Крb8 8. Кa4 + Крb7 9. Крd3 + Крb2 10. Крe2! Сg1 11. Крd2 + Крb7 12. Крe1 + Крb7 13. Крd4! Сa7 14. Крe1 Сb8 15. Кc5 + Крb7 16. Кd7 + Крb5 17. Крd2 + Крb6 18. Сc5 + Крb7 19. К:б8, и белые выигрывают.

П. 1. 0-0-0! Л1 e2 + 2. Фd4 + С2xЛ1 Крd1! Сc5 2. Фd4 + Крd1 3. Сc5
Этюд: 1. f7! Лd2 2. с7! Сh3 4. Лd2 + Лd7 Крd1 5. Сd7 + Сf7 6. сbf7 + Лd5 + 7. Крd3 Сc8 8. фf7+, и белые выигрывают.

Из практики: черные форсированно добиваются ничьей в позиции после 1...Сc7! 2. с7! Сc5 3. f7! Лd2 а8!! 4. Сe2 Сd7 и т. д.

Более тысячи читателей «Смены» — самых различных шахматистов — отобрали свои лучшие работы на конкурсе «Смена» — первенство по шахматам», организуемое нашим журналом заочные гонки. Судейство на первенстве было предоставлено шахматистами из 120 турнирных групп. Старт соревнований — декабря с. г.

Слова Алексея
ОЛЬГИНА

Музыка Александра
ФЛЯРКОВСКОГО

Мало ли что
Эти двери колдуют —
Ходят, обнявшись, в погоду
любую.

Мало ли что
Говорят он любими.
Ветер, не слушай кх шепот
невинный,

Мало ли что...

Мало ли что
Из любви и надежды
Выстроится можно
Под небом безбрежным.

Мало ли что
Это счастье без спроса
Может разрушить
Бездумно и просто —

Мало ли что...

Мало ли что —
Если в жизни по кругу
Радость с печалью
Смешиваются друг с другом.

Мало ли что —
Затуманяется звезды,
Рано или поздно
Кончатся весны,
Мало ли что...

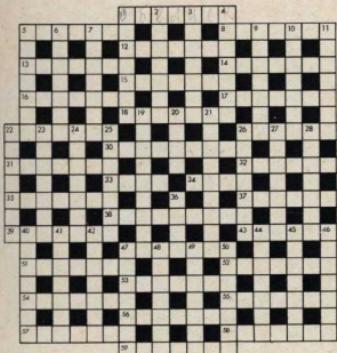
Мало ли что —
Кто-то ищет край света,
Если такому
В мире нет и нету,
Мало ли что —
Не мешайте им, люди:
Важно, что двое
И верят и любят.
Мало ли что...

МАЛО ЛИ ЧТО...

The musical score consists of two staves of music. The first staff uses a treble clef and the second uses a bass clef. The lyrics are written below the notes in a cursive font. The score includes dynamics like 'mp' (mezzo-forte) and 'p' (piano). The lyrics describe various scenarios of love, loss, and life's ups and downs.

Составил К. ТУНИН
с. Бекетовка, Ульяновская обл.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Роман О. Генчара. 5. Одна из 26 блинчиковых масленицаров. 2. Пушкинья зверей. 12. Сказка М. Е. Салтыкова-Шедрина. 13. Самый большой государственный гостиницы в Италии. 15. Место на стадионе для зрителей. 16. Памятник в виде граненого каменного столбика. 17. Столица Франции. 18. Штат на юге США. 20. Столица Венесуэлы. 26. Руководитель учреждения. 27. Русский писатель. 31. Учебное полугодие высших учебных заведений. 32. Слово, ранее называемый путем следования. 33. Землевладелец в Древней Греции. 34. Высшая часть. 35. Типографская наборная машина. 37. Русская писательница, педагог, исследователь. 38. Владина, понижение на земной поверхности. 39. Название речи. 40. Виртуозная музыкальная пьеса. 47. Примусовский. 51. Государственный Альбом. 52. Лабораторный сосуд. 53. Повесть Н. В. Гоголя. 54. Лепное украшение в виде цветка. 55. Стальной элемент. 56. Мачты и брусы на судне для постановки парусов. 57. Животное семейства кошачьих. 58. Самая яркая звезда созвездия Альфа. 59. Первая международная конференция.

По вертикали:

1. Временное название из непромокаемой ткани. 2. Заголовок раздела в журнале, газете. 3. Тропический традиционный праздник. 4. Песня А. С. Пушкина. 5. Героникирование. 6. Л. Н. Толстой. 7. Математическое положение, устанавливаемое с помощью доказательств. 8. Методика обучения. 9. Убедительность в честности, исполнительности. 10. Равноточность. 11. Газета компартии Японии. 19. Русский поэт. 20. Самый длинный из известных. 21. Струнный музыкальный инструмент. 22. Использование в производстве фильтрации. 23. Персонаж пьесы А. Корнейчука «Калининский родильный дом». 24. Название семейства ледянино-вых. 25. Смычковые инструменты. 26. Типографский кириллица. 27. Река в Новосибирской области. 28. Город в Австралии. 29. Средства, предназначенные для определенных целей. 30. Самый длинный морской флот. 41. Русская народная сказка. 42. Теннисистка из СССР. 43. Рассказ М. Горького. 46. Самоходная скользящая машина. 47. Знаки на форменном головном уборе. 48. Фотографический процесс. 49. Гербичка. Герой Советского Союза. 50. Научное сочинение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

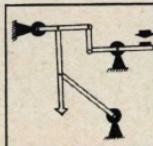
7. Виноград. 8. Маринзет. 9. «Талисман». 10. Батальон. 13. «Земляничка». 14. Амфибия. 16. Оса. 17. Синий. 18. Плотин. 20. Воронковский. 25. «Декабристы». 26. Окупишка. 27. Балаклава. 29. Шинопник. 30. Тропинин.

По вертикали:

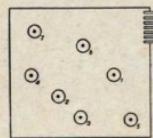
1. Гитарист. 2. Мозгобен. 3. Катапульта. 4. Кабардин. 5. Чидигер. 6. Демидов. 11. Гидравлический. 12. Ромодановский. 15. Артигина. 18. Архангельск. 19. Кузнецк. 21. Степаноз. 22. Тайманов. 23. Фосфорит. 24. Сказание.

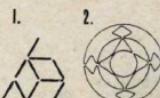
В какую сторону движется стрелка холостого плеча рычага, если на него наведена линия, отмеченная стрелкой? Вправо или влево?

На схеме соедините элементы, обозначенные одинаковыми цифрами, так, чтобы ни одна линия не пересекалась с другой.

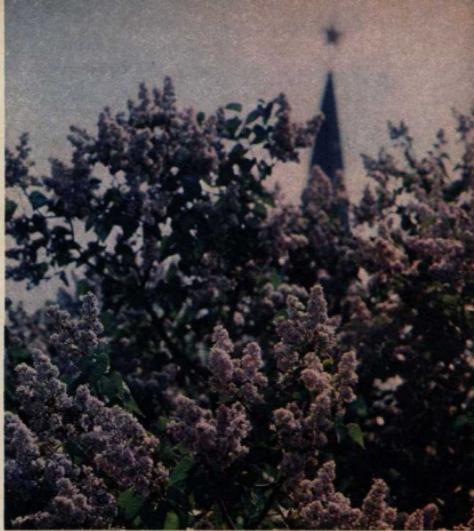

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ,
«СМЕНЫ» № 14

И ВНОВЬ-ЦВЕТЫ...

И в радости и в беде, в
юности и на склоне лет чет-
ловенку, сопутствуют цветы.
О чём бы заветном мы ни ду-
мали, о чём бы ни мечтали –
ромашковый луг раннего дет-
ства или поле Кулниково, на
котором вспахано поле и
высокого травостоя прогла-
дывают лики иван-чая или
очи синеглазых девочек из
старинные, в дни неповтори-
мые мы идея в Александров-
ском парке, молчанин под зву-
ком Бечевного огня, обращаем-
ся мысленно к будущему
возле Малоземелья. И вновь –
цветы, цветы, цветы, сидящие на
закате души и неусыпных дел.
Иногда нам кажется, что они
одни из тех, кто вспоминает нас
сами видим и слышим их.
Как очень и очень близ-
ко, почти мыслимые, но не
замечаем их, но никогда не
можем забыть ни скрины,

ребно арученной любимой,
ни родительский сад, грядущий
наши память вселяющи-
щий в нас радость и надежду, ни
очарования, однажды и на-
всегда испытанных нами.

Но, конечно же, это че-

ловенка, впервые увидевшего

небесные цветы серединой

Родины, цветы, которые заспо-
щики зрения и воображение,

пылающие возле моря цветы

и цветы любви.

Рассказывают, как Юрий
Рытхуз, известный писатель
Крайнего Севера, однажды
зайдя в сад на овощном поле,
впервые приехал в Подмосковье. Даже бледные
исхудавшие от болезней цветы
лестности на жесткой ботве
поразили Юрия, и он не
зрел, что это пришла ему...

Наше упоминание прекрас-
ного в себе и вокруг нас –
чинало смеяться. Вот с та-
ких, раскрывших с обложки
журнала перед нами красу
неоглядную...

Фото

Мирсылава МУРАЗОВА

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820